ТАИСА ЛЕТОВА

БРОДЯЧИЙ МУЗЫКАНТ

СКАЗКИ О ЛЮБВИ В ЖИЗНИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ТАИСА ЛЕТОВА

БРОДЯЧИЙ МУЗЫКАНТ

Сказки о любви в жизни замечательных людей

Москва
2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л 524

Летова Т.М.
Л 524 Бродячий музыкант. Сказки о любви в жизни замечательных людей / Т.М. Летова. — М.: Издательство ИКАР, 2023. — 92 с.: ил.

ISBN 978-5-7974-0761-4

К 85-летию со дня рождения
Владимира Семёновича Высоцкого

На обложке использован фрагмент работы учащейся Детской художественной школы № 1 Нижнего Новгорода Павловой Софьи Сергеевны. Иллюстрация любезно предоставлена Международной детской художественной галереей в Москве с согласия автора, родителей Софьи и руководства ДХШ.

В книге использованы иллюстрации, находящиеся в свободном доступе в Интернете.

© Летова Т.М., 2023
© Оформление. АО «Издательство ИКАР», 2023

Содержание

О СВОИХ СКАЗКАХ
Таиса Летова.....6

СКВОЗЬ ТЬМУ ВЕКОВ ОСТАВИВШИЕ СЛЕД…

ПРЕКРАСНАЯ ПАТРИЦИАНКА
Спартак 8

ВРАЧЕВАТЕЛЬ ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ БОЛЕЗНИ
Абу-Али-ибн Сина (Авиценна).....13

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ЛУНЫ
Чингиз-Хан 17

ПИПА-МУТАТА
Христофор Колумб.....23

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ, НО ТАКИЕ СОВРЕМЕННЫЕ ГЕРОИ-ГЕНИИ

СЛАВНАЯ ПАСТУШКА
Жанна Дарк 30

НОЧНЫЕ СТРАННИКИ
Николай Коперник 34

СЦЕНА, ЛЮБОВЬ И БЕССМЕРТИЕ
Уильям Шекспир 37

ЭПОХА ВЕЛИКИХ РОМАНТИКОВ

ПЕРВОЗДАННАЯ ЛЮБОВЬ
Вольфган Амадей Моцарт 42

СВЕТ И ТЕНЬ
Иоганн Вольфганг Гёте 45

ПОЭТ И КРАСАВИЦА
Александр Сергеевич Пушкин 48

ЗВЁЗДНЫЙ ЧАС ЛЮБВИ
Ханс-Кристиан Андерсен 53

ЛЮБОВЬ И ПРИЗРАКИ
Джорж Гордон Байрон 58

СТАРЫЙ ГРАФ
Пётр Ильич Чайковский 61

ПО ТУ СТОРОНУ ВЕЛИКОЙ ЛЮБВИ И ВЕЛИКОЙ НЕНАВИСТИ
Фридрих Ницше 65

ЕСЛИ ЗВЁЗДЫ ЗАЖИГАЮТСЯ, ЗНАЧИТ ЭТО НАМ НУЖНО

ЗВЁЗДНЫЙ МАЛЬЧИК
Константин Эдуардович Циолковский 70

ЧЁРНАЯ ЖЕМЧУЖИНА
Анна Андреевна Ахматова 74

БЮЛЬ-БЮЛЬ
Рабиндранат Тагор 76

СКИТАЛЬЦЫ
Святослав Теофилович Рихтер 79

БРОДЯЧИЙ МУЗЫКАНТ
Владимир Высоцкий 83

ТРИ ВОПЛОЩЕНИЯ
Марина Влади 87

О своих сказках

Дорогой читатель, у Вас в руках не совсем обычная книга. Она написана в особенном литературном жанре. С одной стороны, это драматургическое произведение; с другой – это сказка, вымысел, фантазия. И уже третье измерение жанра – биографическое. Возможно, не всем будет по вкусу такой литературно-жанровый коктейль…

Сразу оговорюсь, что из всей объёмной библиотеки книг об известных замечательных людях мною были выбраны лишь те, кто мне ближе, понятнее, симпатичнее. Правда, здесь почему-то оказались и Чингисхан, и Ницше!

В реальной жизни всех моих литературных героев, конечно же, было множество самых разных сказок: и красивых, и страшных, и волшебных, и зловещих. И я додумала для каждого персонажа ещё одну сказку, которая, естественно, не объемлет всю многогранную личность великого человека. У меня это просто сказочная зарисовка, фантазия на тему любви в жизни великих представителей человечества.

О шедеврах, гениях, масштабе личностей замечательных людей Вы прочли и вновь прочтёте в классических литературных сериях. В своей же книге я позволила себе немного пофантазировать о любви и только о любви, какая она могла быть, а могла и не быть в жизни неординарных людей.

Надеюсь, уважаемый читатель, что в любом случае по прочтении этой книги Вы вместе со мной исполнитесь доброты и сострадания к Великим…

Таиса Летова

Сквозь тьму веков оставившие след...

ПРЕКРАСНАЯ ПАТРИЦИАНКА

СПАРТАК

Эта история произошла более двух тысяч лет назад. На Апеннины свозились сотни тысяч рабов из древних фракийских, кельтских, галльских, африканских земель. В античные времена в каждом аристократическом италийском доме в порядке вещей было иметь рабов – скульпторов, архитекторов, живописцев, грамматиков.

У главного римского легионера Триумфатора была ещё одна забава. Развлечения ради он держал невольников для

проведения гладиаторских боёв. Для них отбирались самые молодые, рослые, тренированные мужчины. Триумфатор был не просто жестоким, он был беспощадным. Не проходило ни одного турнира без того, чтоб в конце его он не опускал палец вниз. Этот жест повелевал добить побеждённого.

Юной женой немолодого и порочного Триумфатора была прекрасная патрицианка. Валерия была единственной наследницей самого древнего италийского рода. Его истоки – в доисторических временах, хронологии которых никто не ведает. Известно лишь, что начало всему италийскому роду положила волчица, вскормившая Ромула и Рема. И уже эти юноши заложили Рим.

Собственно говоря, прямых наследников древнейшего рода было двое: Валерия и её младший брат Аррий. Однако Триумфатор, став их опекуном, бесстрастно решил судьбу детей. Аррия вывезли подальше от Рима, чтобы по тайному приказу властителя расправиться с наследником рода раз и навсегда. Однако подручные тирана сговорились не столько пожалеть подростка, сколько заработать, продав его в рабство.

Прошло несколько лет. На арене гремело имя гладиатора Спартака. Фракиец был непобедим. И Триумфатор льстил себе воспоминанием, как он, облачённый в белоснежную тогу с красной каймой, в жаркой схватке аукциона на невольничьем рынке вырвал выгодное для себя приобретение.

Хозяину, однако ж, никак не удавалось ожесточить сердце фракийца. Одерживая победу за победой, Спартак ни разу не завершил её смертельным ударом. Он давал пощаду побеждённым, несмотря на то, что Триумфатор раз за разом выразительно и неистово опускал палец вниз. Кому в то время был неизвестен смысл этого жеста? – «Прикончить!».

Но Спартак знал цену человеческой жизни. Разве это было малодушием – оставить человеку жизнь? Бесконечное великодушие! И никакие угрозы взбешённого хозяина

не могли поколебать гуманных убеждений раба. Отовсюду в его сторону неслось злобное улюлюканье: «Деревенщина! Фракиец! Варвар, не человек!». За ослушание Спартака кидали в тёмную холодную камеру, оставляли без пищи и воды, пока вновь не вытаскивали на арену для ведения новых жестоких боёв.

Что было особенно унизительным для гладиатора, так это то, что азартный и неумолимый Триумфатор усаживал в первом ряду амфитеатра Валерию. В окружении истошно вопящих зрителей прекрасная патрицианка была вынуждена с ужасом и отвращением наблюдать кровавые поединки. Но, оставляя поверженных соперников в живых, Спартак чувствовал немую благодарность родовитой римлянки.

Однажды Триумфатор стравил Спартака в поединке с новым невольником. Валерия узнала в нём своего брата. Вынужденный подчиняться правилам гладиаторского боя, Спартак набросил сеть на менее опытного соперника. И как это бывало всегда, фракиец ни на йоту не превысил меру вынужденной жестокости.

В ту же ночь Спартаку с несколькими десятками товарищей по судьбе удалось бежать из гладиаторской школы. В планы беглецов входило сформировать из рабов повстанческую армию и разбить ненавистного Триумфатора. Спартаку на роду было написано предводительствовать копьеносцами, ибо именно так и переводится его имя с фракийского языка.

Той же самой ночью Валерия, впервые воспользовавшись своим высоким положением, втайне от Триумфатора прошла в гладиаторские казармы к брату. Валерия помнила величайшую фамильную тайну, передававшуюся потомкам Ромула и Рема. В минуты, когда решались вопросы жизни или смерти, дозволялось тихо призвать на помощь пракормилицу. И она явилась.

Когда стражник решил поторопить свидание, то, к удивлению, обнаружил в камере трёх молодых свирепых волков. Стража подобострастно пропустила их за ворота гладиаторской школы, а затем и за пределы Рима.

Много дней и ночей рыскали волки в поисках Спартака… А найдя его лагерь, нежная Валерия стала женой Спартака, Аррий – одним из его доблестных воинов.

Битвы за достоинство человека, против рабовладельцев, прокатывались по всей италийской земле. Спартак был несокрушим. Тогда Триумфатор, алча славы подавления восставших рабов, стянул к лагерю Спартака силы со всех европейских театров военных действий. Но более того, его обуревали мужская ревность и жажда мщения.

Под непрерывные звуки горнов и труб, дававших единственный сигнал: «Битва!» – боевые линии Спартака и Триумфатора приблизились друг к другу и воины перешли на бег. Завязался решающий бой.

«Сломить мятежников коварством легче, чем оружием», – как заклятие твердил Триумфатор. На этот раз непобедимому в своём благородстве Спартаку было суждено узнать все перемены военного счастья. Когда он задумал сманеврировать, переправив свои отряды пиратскими судами на Сардинию, произошло предательство. Триумфатор перекупил пиратского адмирала, и тот вероломно вывел весь флот из гаваней.

Несмотря на героическое сопротивление спартаковцев, перевес оказался не на их стороне. Спартака тяжело ранили в бедро. Он уже не мог сидеть на коне. Неистово продолжал бой, уже спешившись. Но силы были на исходе. На Спартака нахлынули воспоминания: кипящая вокруг скал пена у фракийских берегов, вот отец сажает его, едва научившегося ходить, на лошадь, а тут резво прыгающие по весенним холмам бараны и овцы… Какая-то чёрная полоса, переживания на кровавой арене. Ни у кого нет более хрупкой

жизни, чем у человека! Ни у кого нет столь безграничных страстей, такого яростного накала чувств... И вновь свет: лицо прекрасной патрицианки...

Приспешники Триумфатора хотели захватить могучее тело Спартака как почётный трофей. Случись такое, для восставших рабов, для спартаковцев это был бы величайший позор.

И тогда возле погибшего героя оказались три бесстрашных волка. Войска Триумфатора благоговейно отступили. Волки выли, пока не стянули к себе громадную волчью стаю. По звериному знаку вожака хищники расступились перед воинами-повстанцами. И те, бережно укрыв тело Спартака боевым фракийским знаменем с изображением дракона, вынесли тело предводителя из окружения врагов.

Спартак обрёл свободу. А волчья стая под предводительством своих вожаков растворилась в лесах.

Врачеватель тысячи и одной болезни

Абу-Али Хусейн ибн Сина (Авиценна)

Давным-давно, в незапамятные времена, бухарские мудрецы откопали в сундуках библиотеки эмира древнюю рукопись. Новость сразу же облетела весь город. Ещё бы, ведь согласно старинным письменам именно здесь ожидалось скорое рождение великого врачевателя Востока! В то время в Бухаре было очень плохо с питьевой водой, не прекращались эпидемии и бесконечные желудочные заболевания. Ужасные болезни Азии – оспа, холера, проказа, всевозможные паразиты, гнездившиеся в теле человека – выкашивали целые города и даже народы.

Ликующий народ просто не расслышал, что для самого гениального медика будет губительным исцеление больного от тысяча первой болезни.

Когда наступил долгожданный день рождения гениального врачевателя, на свет появились два мальчика. Семья но-

ворожденного Убейдаллаха сразу же поспешила во дворец, чтобы утвердить ребёнка в качестве будущего дворцового врача. А вот в доме, где появился Абу-Али Хусейн ибн Сина, было тихо. Хлопотавшая вокруг малыша его восприемница не переставала поглаживать, пощупывать новорожденного ребёнка. Кончиками пальцев она нежненько прикасалась к маленькому тельцу, легонько его мяла, придавая красивую форму всем его членам. Человечество пока ещё не разгадало волшебную тайну рождения гениев. Но Абу-Али усвоил этот первый для него урок искусного врачевания.

Да будет читателю известно, что в те времена считалось зазорным для жителей Бухары заниматься меньше чем тридцатью тремя ремёслами. По городским площадям и базарам деловито сновали менялы-банкиры, ювелирно работали сверлильщики жемчужин, звенели медники, выбивая сложный орнамент на чашах, тазах, кумганах, стучали деревянные молоты шорников, разминающих кожи, в полуденную жару мирно дремали портные на недошитых халатах.

Но семнадцатилетнего, красивого, сероглазого Абу-Али влекла к себе лишь наука врачевания. Уже в этом юном возрасте он снискал уважительное обращение «господин хаким» – врач. Для него не имело значения: родился ли больной во дворце или в наипоследней лачуге, лежал ли больной в дорогих одеждах или в скромном затрёпанном халате. Абу-Али помогал всем так, как велели его совесть, его наука, его врачебный долг.

И вот однажды Абу-Али вошёл в полуразвалившуюся хибарку, чтобы вырвать из рук смерти девочку, покрытую гнойными язвами. Когда врач вы́ходил малышку, возле дома Абу-Али сам собою вырос куст розы…

Прошло двенадцать лет. Уже знаменитый и в Бухаре, и в Хорезме, и в Исфагане доктор пленился благоуханием и красотой впервые расцветшей у него под окном дикой розы. Но что делать? Взор оказавшегося в этой части города эмира

случайно упал на прекрасную алую розу, а от её аромата у повелителя Бухары закружилась голова…

Некогда цветущий здоровьем эмир покрылся бледностью и захворал тяжёлой меланхолией. Дворцовый медик Убейдаллах был бессилен в борьбе с этой болезнью. Пригласили на консилиум учёных медиков со всего Востока. Но те, осмотрев больного, лишь с озабоченным видом прошли в большой садовый павильон дворца, чтобы принять нелестное для себя решение – допустить к шаху бессребреника-врачевателя Абу-Али.

Двери во дворец не просто раскрылись, но буквально распахнулись перед Абу-Али. Тот лёгкой походкой прошёл по коврам, устилавшим весь внутренний двор дворца. В жемчужной водяной пыли фонтанов рождались маленькие радуги. Но всего этого не замечал раскинувшийся на чудесных персидских коврах весь в подушках умиравший от неизвестной болезни эмир.

Осмотрев больного, Абу-Али понял, что тот совершенно здоров. Внимательно расспросил эмира, когда, как тот почувствовал недомогание. И Абу-Али осенило, что эмир влюбился в его розу! На Востоке от такого заболевания иногда могут и умереть… Врачеватель счёл любовь тысяча первой болезнью в его практике. Абу-Али всем сердцем любил свою розу, но долг врача взял верх над чувством.

В тот же день Абу-Али принёс шаху прекрасную розу, и эмир тотчас же исцелился. В благодарность шах предложил врачевателю стать его дворцовым медиком, но Абу-Али не искал придворных должностей. Тогда повелитель предложил врачу половину своих сокровищ, но и на это он получил вежливый отказ. «Что же ты готов принять от меня в дар?» – «Всего лишь пачку самаркандской бумаги и тростниковое перо для письма».

Снедаемый завистью к своему гениальному коллеге Убейдаллах с притворной благодарностью протянул

Абу-Али толстую пачку бумаги и зашитое в мешочек отравленное тростниковое перо. Протянул будто бархатной тигриной лапой. Но в последний момент выпустил страшные когти – уколол гениального врачевателя кончиком пера. Против такой отравы, как зависть, у Абу-Али не было противоядия…

И в ту же ночь Абу-Али решил отправиться вон из Бухары. К тощим бокам верблюда он прикрутил лишь тюк с тремя халатами, несколько любимых книг, начатую рукопись, запас немудрёной провизии и кувшинчики с самыми ценными лекарствами.

На утро следующего дня смятая роза была выброшена за ворота дворца. И в это же самое время на пути Абу-Али разыгралась песчаная буря. Ветер сдвигал целые горы песка, поднимал их, крутил в небе и обрушивал на землю с неимоверной силой. Обезумевший от страха верблюд рванулся в сторону и понёс. Но Абу-Али сумел всё же поймать его, заставил лечь, накрыл его голову плащом, тут же притулился сам.

К вечеру из-под груды песка виднелся лишь край его одежды. Рядом неведомым образом оказался прекрасный юноша Абдул-Вахид. Откопав своего учителя, он стал его неизменным помощником и учеником.

Прошли годы… После смерти Абу-Али Абдул-Вахид закончил переписывание каллиграфическим почерком всех четырёхсот трудов ибн Сины и будто исчез. Растворился в воздухе. В это же время в Хамадане, где был погребён гениальный медик, расцвела роза. Дикая белая роза.

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ЛУНЫ

ЧИНГИЗ-ХАН

Многие люди, никогда не бывавшие в Монголии, думают, что этот край сотворён не матерью-природой, а природой-мачехой. Представляют себе однообразно-унылые пейзажи, щебень и песок под ногами, нестерпимую жару летом и пробирающую до костей зимнюю стужу, тогда как в действительности природа Центральной Азии и дика, и оригинальна, и многокрасочна. Тридцать три песчаные равнины раскинулись от края и до края между сине-розовыми хребтами. В высокой траве пасутся антилопы семидесяти мастей; поют звонкоголосые птицы; в бирюзовом небе про-

летают белые лебеди. Даже пустыня в полной своей наготе завораживает и пленяет изысканной красотой.

Да, здесь как будто всё чуждо цивилизации, как её традиционно понимают. Но где ещё найдёте вы людей, которые для себя не берут у природы ничего лишнего? Или кто ещё, кроме монголов, любит не только солнце, луну, деревья, скотину, зверьё разное, но и комаров?

В песках, монгольских степях, в пустыне Гоби след человека или даже целого каравана заметается ветром и исчезает навсегда. И много нужно жизненной энергии, чтобы след кочевника не затерялся, а остался на века.

Эту историю о Великом кочевнике любит рассказывать одна старая-престарая монгольская шаманка. А записывать сказание разрешается не иначе как лебединым пером. А чернилами должны служить измельчённые в порошок девять драгоценностей: жемчуг, коралл, бирюза, перламутр, лазурит, железо, медь, серебро и золото.

Так вот шаманка эта колдовала ещё при Чингисхане. А дело было в незапамятные времена, более восьмисот лет назад.

Сильнейшая шаманка, так она себя называет, считает Центр Азии и её сердце Монголию таинственной колыбелью человечества. Местом особенным, напрямую связанным с космосом. Здесь стираются грани между реальным и фантастическим. Шаманы, созерцая неоглядные монгольские степи, ощущают абсолютную свободу и отрешённость, своё полное слияние с космосом. Короче, это не что иное, как монгольская галактика. И в ней есть священные, магические места. Вот в таком месте, в междуречье голубых потоков Олона и Керулена, родился мальчуган. По календарю кочевников это был Год страшной звезды.

Как теперь, так и в те давние времена, война между добром и злом не прекращалась ни на мгновение. И не надо думать, что на стороне добра и зла стоят только земные

силы. Шаманка утверждает, что эти два начала привлекают и внешние силы – космическую энергию.

Действительно, перед тем как родиться крепышу Темучину во вселенной происходили важные события. На земле же шаманы, подражая голосам птиц и зверей, скликивались на свой символический поединок. Завязался яростный бой за власть над монгольскими родами между Сильнейшей шаманкой и Лютым шаманом. Они разошлись в начале начал времён. А причиной тому предательство и измена, ревность, взаимные ссоры и даже месть.

В экстазе Сильнейшая шаманка и Лютый шаман насылали друг на друга своих духов. Их энергетика была столь велика, что в это лихолетье она вызвала солнечное затмение. Тень росла, пока не закрыла небо. А ночью появилось никогда не виданное в этих широтах северное сияние. В столкновении великих неземных сил взошла Страшная звезда.

Наивными монголами овладел детский страх. Затихла вся природа, попрятались даже шайки драконов, разбойничавших на караванных путях через степи, пески и горы Монголии. Среди оцепенения природы только Темучин яростно пробивался на свет. И в тот момент, когда малыш издал свой первый крик, верх одержал Лютый шаман…

Отец, внимательно осматривая ребёнка, увидел в крохотной зажатой ладошке сгусток крови. Лютый шаман объявил о рождении могущественного повелителя монголов: «Тот, кто начал с крови, в кровавых делах завершит свой путь».

А вот окажись победительницей Сильнейшая шаманка, в ладошке Темучина был бы зажат крохотный кусочек дикого корня женьшеня, дарившего новорожденному неслыханное долголетие. А может быть, и бессмертие…

Пока все слушали толкования шамана, его подручная змея подползла к ребёнку и втянула в себя кровавый сгусток. Побеждённой шаманке, отступавшей с поля боя, всё же удалось послать вслед уползавшей змее песчаную бурю.

Змея была погребена под тяжестью нанесённого бархана почти на пятьдесят лет…

Да-а-а, Темучину было уже почти пятьдесят лет, когда ветры выдули, сдвинули бархан, и не знавшая заклятья змея выползла на волю. Будто ведомая незримой страшной силой змея продвигалась строго к одной из чёрных юрт кочевников. А там у огня, поддерживаемого сухим верблюжьим помётом, грелся седеющий Темучин. Удар жала был подобен разящей молнии. Из юрты выскочил уже не человек, а полусверхъестественное существо. В мгновение ока со всех кочевий Монголии собрались наездники. С восклицанием «Чингисхан! – Великий хан!» они падали перед ним ниц.

Чингисхан нисколько не удивился ни своему огромному войску, ни своему золотому шатру, ни своему сильному низкорослому коню белоснежной масти.

Чингисхан оглядел бескрайнюю степь и осознал, что теперь он видит и за горизонтом. Взмахнув правой рукой, узнал, что сдвигает с места горы; взмахнув левой рукой – заворачивает реки, куда хочет. Отныне его повеления будут подымать бурю и вызывать ветер.

С наступлением ночи Чингисхан устремил свои жёлто-зелёные тигриные глаза к небу и заглянул… на обратную сторону Луны… В тот момент едва пошевелившийся у его ног камень показался ему и не камнем вовсе, а притаившимся врагом. Со страшным боевым кличем «Кху-кху!» под белым знаменем с девятью трепетавшими хвостами Чингисхан повёл своё войско на завоевание Вселенной.

Что же было дальше? Волны диких наездников обрушились на богатейшие страны Востока. Назад они откатывались с несметными сокровищами. А там, где ступало копыто монгольского коня, всё живое стиралось с лица земли. Не щадили ни стариков, ни женщин, ни детей, ни даже собак и кошек. Погибла и молившая о пощаде туркменская краса-

вица Гюль-Джамал. Жемчужное ожерелье с её ещё непросохшими слезами на нём полетело в бездонный мешок с сокровищами.

Чингисхан не постарел и не чувствовал усталости от набегов, когда внезапно решил остановиться. К тому времени он держал в своих руках половину Вселенной. Злым опытом он убедился в своей неуязвимости. Казалось, счастье бесповоротно катило в его сторону. И вот тут сеявшим смерть Чингисханом овладели любовь к Жизни и безумное желание обрести собственное бессмертие.

Величайший хан отправился на вершину горы беседовать с Великим синим небом, чтобы изведать у него тайны бессмертия. Призвал к себе за советом китайских учёных, тибетских мудрецов, древних алтайских колдунов. Но все в почтенном страхе отступили.

Прибегли к таинственной силе Лютого шамана. Тот даже осмелился призвать себе в помощники священных духов мамонтов. Но те молчали.

Чингисханова мудрая старшая жена Бурте Хушин навела на мысль о Сильнейшей шаманке. Бросились на её розыск. И та ответила гонцам Чингисхана, что средство такое есть. Называя Великого завоевателя его детским именем, она изрекла: «Пусть Темучин вернётся в место своего рождения – Синюю Монголию. И здесь принесёт щедрые дары вспоившим его рекам: Олону и Керулену. Если подношение будет принято, выйдут из речных вод пятьсот голубых дев, по числу жён Темучина. И когда каждая из дев поцелует его, Темучин навеки останется бессмертным».

Не знавший поражений Чингисхан покорился воле Сильнейшей шаманки. В воды Олона и Керулена были брошены все сокровища, собранные им с половины Вселенной. Реки благосклонно приняли и покатили их далеко на юг. Может, оттого Монголия и сказочно богата золотом, нефритами, агатами, сапфирами, горным хрусталём, бриллиантами?..

Вышли из речных вод четыреста девяносто девять прекрасных дев, подаривших Чингисхану свой поцелуй. И только одна, последняя дева – Кулан – замешкалась. Слезинки Гюль-Джамал с жемчужного ожерелья, растворившись в воде, обожгли и на время ослепили глаза голубой девы. А когда Кулан прозрела и приблизилась к Чингисхану, было уже поздно.

Вот так расстался со страстно любимой им Жизнью человек, личность которого была столь страшна, могуча и мистически притягательна.

Шаманка, по-старчески пожёвывая корешочек женьшеня, погрузилась в фантастические грёзы о прошлом... Всхрапнула лошадь, привязанная к юрте, тяжело вздохнул верблюд.

ПИПА-МУТАТА

Христофор Колумб

Уж поверьте: океанские пути неисповедимы. Одним из первых, а может быть и первым, это доказал одержимый путешественник Колумб. Он жаждал западным путём обогнуть Землю и из Европы через Атлантику добраться до Индии, Китая и Японии. Однако ему было суждено открыть многочисленные острова Антильской группы в Центральной Америке. Колумб, правда, не подозревал, что обнаруженные земли – вовсе не Индия. А потому встреченных там жителей, доверчивых детей природы, он назвал индейцами.

Этот досадный просчёт вовсе не умалил значения трансатлантического плавания Колумба. Он был обласкан испанским двором: наделён золотыми шпорами, титулами и славой-славой из века в век. Вот и через пять сотен лет его

многократно праправнук Серхи-Диего-Рональдо сиял в лучах величия своего легендарного предка.

Отпрыск жил в роскошном замке в живописных окрестностях Мадрида. Гордостью молодого человека были не только многочисленные спальни, гостиные, туалетные комнаты, гараж, вмещавший несколько десятков выполненных под заказ современнейших автомобилей… Жемчужиной дворца, безусловно, была величественная зала реликвий трёх плаваний Колумба к берегам материка, впоследствии названного Америкой. В огромной галерее находились макеты парусников Колумба, морские доспехи, сундуки с заокеанскими сокровищами; на стенах висели прижизненные и более поздние портреты великого морехода.

Серхи-Диего-Рональдо любил находиться здесь, горделиво прохаживаясь по зале или сидя в средневековом, напоминавшем трон кресле. В этой дворцовой зале происходила эмоциональная подпитка молодого человека. Он вновь обретал уверенность в себе после регулярных ударов судьбы по его самолюбию.

Да, это было каким-то роком для Серхи-Диего-Рональдо. Он тщетно бился над разгадкой глубинной причины невнимания к нему женщин. К двадцати семи годам он, человек юга, не познал радости ответной любви. В решающие минуты он словно стекленел, вызывая отчуждение и неприятие у своих подружек.

Никто из медицинских светил не находил никаких серьёзных причин недомогания наследника колумбовой славы. И молодой человек становился всё несчастнее.

Как-то весной вот в таком взвинченном, нервном состоянии Серхи-Диего-Рональдо подкатил к одному из открытых кафе в центре испанской столицы. Он уже направился к уединённому столику, как вдруг его взгляд остановился на юной цыганке. Та сидела на скамейке у фонтана, подставив хорошенькое лицо мелким брызгам воды. «Сможешь в сво-

их картах прочитать мою тайну?» – безнадёжно и мрачно спросил Серхи-Диего-Рональдо. «Наш бизнес не хуже других», – немного с вызовом ответила девушка. При этом, с каким-то негодованием звякнув, откликнулись гирлянды цепочек, браслетов, амулетов, серёг и колец, обвивавших девушку.

Поспешая за клиентом в уголок кафе, подальше от любопытных глаз и ушей, цыганочка пытливо всматривалась во взволнованное лицо молодого человека. Затем, видя его нетерпение, с достоинством извлекла из пышных юбок новенькую колоду карт. Раскидав их по только ей ведомым законам, она минуту с любопытством их изучала, а затем спешно их собрала и упрятала в складки юбок. Из другого кармана была извлечена еще одна колода, много потрёпаннее, но и эта не удовлетворила гадалку. Она выбрасывала и собирала карты, пока наконец с величайшим трепетом не вытащила из какого-то потайного кармана карты, которым было никак не меньше пятисот лет. «Сеньор невезучий, – с сожалением произнесла девушка. – Вам не будет удачи в любви, пока вы не вернёте вещицу… прежней её владелице. За океаном… Сегодня, перед тем как отправиться спать, наденьте кольцо на палец, и вы её увидите во сне».

Серхи-Диего-Рональдо не понял, о какой-такой чужой вещице идёт речь, но совет отправиться за море-океан он воспринял с такой яростью, что, вставая, злобно толкнул столик в сторону цыганки. Швырнул деньги и выскочил на душную полуденную улицу. «Сеньор в порядке?» – сдержанно спросил полицейский, издали наблюдавший развязку встречи цыганки и её клиента. Тот ничего не ответил, сел в машину и резко взял с места. «Сеньора в порядке?» – участливо спросил полицейский цыганку, когда та, собрав карты и оставив нетронутыми деньги, выходила из кафе. «Спасибо, не беспокойтесь», – мило ответила она и снова направилась к фонтану, к его свежим струйкам.

Оказавшись в своём замке, как всегда в минуты крайнего смятения, Серхи-Диего-Рональдо уединился в зале своего знаменитого предка. Там он сидел неподвижно, пока не стемнело. Почувствовал, что его окончательно покинули силы. В это мгновение вдруг что-то звонко ударилось о каменный пол залы. Испуганный мужчина включил свет и под прижизненным портретом Колумба увидел богато украшенный старинный перстень. Поднял глаза на портрет. На руке Адмирала морей-океанов перстня словно никогда и не было.

Улёгшись в роскошную постель, Серхи-Диего-Рональдо со страхом вдел свой дрожащий палец в перстень и мгновенно провалился… Он ощутил качку, это отвратительное чувство, которое никогда его не покидало даже на спокойной водной глади. Благо хоть лицо омывали свежие струи и сладкие ароматы тропических ветров. Рядом с ним на палубе старинного парусника стоял молодой обветренный и отчаянный Колумб. Дочь вождя местного племени, зачарованно глядя на Колумба, протянула ему снятый с красивой обнаженной груди золотой диск. Со стороны можно было подумать, что девушка вручает неизвестно откуда прибывшему сверхчеловеку своё трепетное сердце.

Колумб охотно принял подношение и отдал в утешение не отходившей от него девушке какие-то стеклянные побрякушки, которые та с восторгом приняла как самое дорогое в её теперешней жизни. Неподалёку за этим наблюдал растерянный туземец. Ему виделось в этом обмене нечто большее – ритуал признания во вдруг вспыхнувшей любви.

Между тем Колумб деловито отдавал распоряжения своим матросам: «Грузить в трюмы золото!.. И женщин. Они тоже будут хорошим товаром!» А дочь вождя, пока не оказалась в толпе рабынь, всё прижимала руки к груди, сжимая в ладонях стекляшки, и нежно произносила: «Пипа-Мутата. Пипа-Мутата».

Когда Серхи-Диего-Рональдо отряхнулся утром от страшного сна, дедовского перстня на руке уже не было. Колумб красовался в золотой раме с перстнем на руке.

Откопав в старинных сундуках золотой диск, наследник Колумба, страдавший водобоязнью, купил самую устойчивую и комфортабельную яхту, назвав её «Великий Адмирал». Салонный завсегдатай, он отправился в одиночное плавание к берегам Нового Света, куда прибыл после полутора месяцев мучений и морской болезни. Не успев восстановиться, он в довершение бед попал в тропический ураган. Неистовый ветер поднимал его яхту к небу, а затем со всей яростью обрушивал её на самое дно моря. Серхи-Диего-Рональдо потерял сознание. Когда же очнулся, ярко и нежно пылали созвездия южного неба. В черноте тропической ночи разглядел костёр, возле которого сидели двое: он и она, дряхлейшие старики, которым можно было дать ну никак не меньше пятисот лет.

Серхи-Диего-Рональдо был уверен, что Она и есть Пипа-Мутата. Он протянул ей золотой диск, который она истончёнными руками бережно приняла и надела на иссушённую грудь. В это же мгновение Пипа-Мутата превратилась в прекрасную юную индианку. Её жених, коснувшись возлюбленной, тоже стал молодым, гибким мачо. Небрежно полуобернувшись, Пипа-Мутата отбросила к ногам европейца резко звякнувшие стекляшки…

Теперь наследник славы Колумба мог вернуться домой. Когда его потрёпанную шаланду прибило к генуэзскому берегу, юная швартовая служащая привела его в чувство, страстно прильнув к нему своими губами. Совершенно бешеный ток чувственности исходил от измотанного мужчины с полузасохшими водорослями в спутанных волосах.

Серхи-Диего-Рональдо и Лючия поженились. После пережитых перипетий все светские красавицы воспылали необъяснимой любовью к отпрыску Колумба. Но он остался навсегда верен своей генуэзской рыбачке.

Средневековые, но такие современные герои-гении

Славная пастушка

Жанна Дарк

Очень давно, может быть, шесть веков тому назад, во французских землях всё шла и шла бесконечная война. Позже её назовут Столетней. Тогда судьба страны, народа и короля висела на волоске. Наследник престола, Карл VII, был жалок и труслив. Его окружение бесталанно, завистливо и воровато. У правителя не было денег на армию, на защиту исконных земель. И бесчисленные вооружённые шайки людей, торговавших своими услугами, шныряли по дорогам и бездорожью в надежде, что их наймут. Свои или чужие. Были бы только деньги!

Вот и в деревушке Домреми все жители устали покидать свои дома и прятаться в разрушенном замке. Потом снова возвращаться. Помощи ждать было неоткуда. Из-за безысходности семнадцатилетняя пастушка Жаннетта и не помышляла выходить замуж за сватавшегося к ней парня. Её сердце горело иной любовью.

Как раз в это время придворный астролог, мэтр Пьер, прочитал на звёздном небе о приближении какого-то необычайного события. И в ночь предсказания к королевскому дворцу в изгнании подошли двое: девчушка в ветхом платьице и мальчуган лет пятнадцати. Это была Жанна и увязавшийся за нею подпасок Жак, по-рыцарски влюблённый в пастушку.

Нечего было и думать, чтобы дворцовая стража пропустила каких-то оборвышей к престолонаследнику. Опечаленные дети уселись под парадной дверью и стали наигрывать на свирельках свою любимую пастушескую мелодию. От дивных звуков проснулись придворные павлины и развернули веером свои хвосты, изрядно прореженные недоеданием и тоской. Впервые за свою невесёлую жизнь птицы натанцевались всласть. Узнав о цели прихода, павлины отблагодарили детей, впустив их через чёрный вход в королевские покои.

Представ перед заспанным престолонаследником, Жанна без предисловий, без лишних слов попросила Карла поставить её во главе распадающейся армии. Немудрено, Карл был растерян: «Ну и девчонка! Ну и главнокомандующий! Ой, и засмеют! Не только свои, но и противники!».

Однако ж, говоря по совести, ему не из кого было выбирать. Кругом всё своекорыстные, трусливые и безвольные верноподданные. Почтенные патриции соперничали друг с другом не отвагой и мужеством, а роскошью массивных перстней и парчовых шуб, подбитых дорогими мехами. При этом ели друг друга поедом. «А-а-ах, – горестно махнул рукой Карл. – На безрыбье и рак – рыба».

И уже через две недели Жанну облачили в белые доспехи: в шлем с поднимающимся забралом, в панцирь, защищающий грудь и спину, в наплечники, в налокотники, в рукава, перчатки, набедренники, наколенники, ноговицы и ботинки. По её просьбе ткачи изготовили белое знамя Мира с изображёнными на нём лилиями. К юной воительнице подвели белого коня.

Ах, какие же это умельцы из народа: конь, подкованный воздушными подковами, был крылатый! Белый плащ предводительницы развернулся в волшебные крылья. И когда с белым знаменем в руках юная Дева повела за собой воинов, они будто летели по воздуху, бесстрашно перемахивая через рвы, насыпи, полноводные реки. Осаждённый неприятелем Орлеан был отбит!

Народ ликовал! Наконец-то он поверил в себя и в свою победу! Люди не уставали восхищаться своей Орлеанской Девой! Карл одновременно и радовался триумфу Девы, и досадовал, что получил победу из рук простолюдинки, деревенской девчонки, а не от своих приближённых, родовитых полководцев.

У знати сердца пылали чёрной завистью к таланту и отваге Девы: «Ну и поворот дела! Всех оттеснила, согнула в бараний рог! Овладела волей солдат, рыцарей! Стала победительницей!» И ни одного пятна на её знамени, на её одежде! Неприятель кипящей смолой их поливал. Свои недоброжелатели клеветали… Всё тщетно! Многое б они отдали, чтоб погубить выскочку, показавшую всю их несостоятельность. Но пока руки у знати были ещё коротки.

Но вот Жанна одерживает ещё одну, ещё победу! Открывается дорога к Реймсу, городу, где по традиции коронуются французские наследники. Можно сказать, из рук простой неграмотной крестьянки Карл получает корону!

О-о-о, как это часто бывает в земной жизни! Неблагодарный человек, пусть и король, едва получив в руки желаемое,

тут же отворачивается от сподвижников. Этим не преминули воспользоваться завистники Орлеанской Девы. Они следили за каждым шагом Жанны, стерегли каждый её помысел. И вот в очередном сражении окружение Короля вероломно предало Жанну. М-да… Военная фортуна изменчива.

Жанну бросили в темницу. Противостоявший французам неприятель был готов отдать за девчонку цену короля!

Пятьдесят больших факелов освещали тронную залу. Упивавшийся всей полнотой власти Король оставил без внимания решение интриганов бросить оклеветанную Жанну в костёр. Завистникам всё хотелось доказать, что белое – это чёрное, а их чёрное дело – белое.

А Жанна? Даже когда на площади Старого рынка в Руане языки пламени пожирали трепетное тело девушки, она не отреклась от Любви: к Франции, к своему народу, к Королю.

Завистники, желавшие доказать собравшейся у костра толпе, что в своём сердце Жанна вынашивала чёрные замыслы, обнаружили на пепелище… необгоревшее сердце чистой девушки. Его бросили в Сену. Прибившись к берегу, на котором, безутешно рыдая, лежал её семнадцатилетний паж, сердце Жанны проросло белой, как снег, лилией.

НОЧНЫЕ СТРАННИКИ

Николай Коперник

Ах, как прекрасно устроен мир: у нас есть и Солнце, и Луна, и множество далёких звёзд! Но не всем дано этим восторгаться: одни люди лишь утилитарно пользуются светом, который они проливают на Землю. Немногие другие разгадывают тайны звёздного неба. И только величайший польский астроном Николай Коперник ещё и купался в этой красоте! И верно подмечено: «Не должен заниматься наукой тот, кто в природе своей не имеет чего-то чудесного». Ученик Платона изрёк это будто не о ком ином, как о Копернике.

И в самом деле, в звёздную февральскую ночь Средневековья появившийся на свет Николай уже с первым глотком грудного материнского молока жадно втянул в себя и каплю молока, брызнувшую с небес, с Млечного Пути.

Ничего удивительного, что вспоенному звёздным молоком ребёнку был не столько интересен земной мир, сколько галактика. Он поднимал свои мечтательные глаза к звёздам

и как зачарованный часами наблюдал завораживающую картину мерцающего космоса.

В дневных занятиях и трудах юный Коперник ждал часа, когда запрут ворота, поднимут разводные мосты и замок погрузится в сон. Он проводил ночи напролёт на террасе башни, вглядываясь в непостижимость.

И вот когда юноше пошёл четырнадцатый год, к нему на башенную террасу тихо опустилась прекрасная молодая Звезда. Она была родом из далёкого созвездия Пылающих сердец.

Звезда была живым туманом, обволакивающим негой, бьющим пронизывающим нервным ритмом, источающим неземную любовь. Николай отдался страсти.

И сколь многому научила его звёздная подруга, жена и любовница! Невесомые, прижавшись друг к другу, они поднимались к звёздам, странствовали по галактикам и улетали куда глаза глядят.

Под утро они возвращались утомлённые, но счастливые на террасу. Возлюбленная, словно туман, растворялась в воздухе, а Николай принимался лихорадочно записывать и зарисовывать всё увиденное в космическом озарении.

В своих гениальных полётах он постиг тайны неба и разгадал законы его механики: Николай увидел, а после уже с пером в руке доказал вращение Земли вокруг своей оси. Кому, как не ему, было убеждать заблуждавшееся человечество в том, что центром галактической системы являлась вовсе не Земля, а Солнце! Но вольнодумцу никто не захотел поверить: кто-то из-за своего скудоумия, а кто-то просто от зависти к одарённому человеку.

Звёздная семья прожила счастливую жизнь, хотя иногда случались и приступы ревности. Как-никак доктор Николай ходил по земле, и на земном пути ему встречались нежные девы. Но стоило молодым людям проникновенно взглянуть друг другу в глаза, как ревнивая Звезда тотчас же устраивала в ясном небе затмение или с обидой швыряла в непосред-

ственной близости от земли метеорит-другой. И это моментально отвлекало Николая от предмета земной страсти.

Как всякий астроном, Коперник и себя мыслил в образах Природы. В своей любви он прошёл рассвет, зенит. И вот теперь его жизнь склонялась к закату.

Звезда наивно и прямодушно стала прощаться с ним. Её любви ему будет достаточно для целой астрономической саги. Но была и более важная причина для расставания. От безрассудной любви в теле Звезды зарождалась новая жизнь. Настала пора возвращаться в своё созвездие, чтобы, расширившись, вытолкнуть из себя звёздочку. Она, конечно, назовёт её в честь отца Коперником. Спустя годы он найдёт своё дитя, измеряя и всё уточняя координаты планет, углы и высоты небесных светил....

Но, как человеку, Николаю хотелось при прощании услышать от возлюбленной обещание в вечной любви. «Нет, – с холодком ответила Звезда. – Не надейся... Ведь звёздная любовь эгоистичная, взбалмошная... Вот разрешусь от бремени, отдохну и начну кружить голову другим гениальным мужчинам...».

Коперник умер одиноким стариком. Его слегка согревал далёкий и слабый свет дочерней звезды. А Звезде действительно удалось ещё многим вскружить голову: Джордано Бруно, Галилео Галилею, Циолковскому... А скольким ещё вскружит?!

СЦЕНА, ЛЮБОВЬ, СМЕРТЬ и БЕССМЕРТИЕ

Уильям Шекспир

«Эля и зрелищ!» – выкрикивали во времена Шекспира простые лондонцы, отправляясь из трактиров, харчевен в находившийся по соседству же средневековый театр под открытым небом.

Театральные подмостки в Англии создавались для простолюдинов. Вокруг собирался всякий сброд, а в самих театрах скапливались якобы дурные люди. Вот и площадной народный театр «Глобус» построили на берегу Темзы, где находились арены для травли медведей и петушиных боёв.

В шестнадцатом веке английские драматурги просто «закармливали» зрителей всё новыми и новыми пьесами и постановками. Это был бум, фейерверк театрализованных

представлений. В ряду авторов значились и драматурги с университетскими познаниями, и сочинители попроще – ремесленники, кто плохо знал латынь, а то и вовсе не знал греческого языка.

Вот одним из таких не самых знатных в то время пишущих актёров и был Уильям Шекспир. Писал ловко, сказочно быстро. Чернила не успевали высохнуть – как уже на подмостках идут репетиции.

Собратья по перу, признавая у него изящество, живость литературного языка, всё же иногда упрекали его в неоригинальности. Да и сам Шекспир не скрывал заимствования своих сюжетов. Но лишь ему одному был дан свыше этот дар осовременить, облагородить прозябавшие и не востребованные до него произведения более ранних авторов. Как ювелир огранивает, шлифует неказистый поначалу сырой алмаз, чтобы превратить его в истинное произведение искусства, так и Шекспир чеканил слог расхожих историй о Ромео и Джульетте, Гамлете, Короле Лире…

Теперь, спустя почти шесть веков, мы упиваемся свежестью и восхищаемся блеском шекспировского наследия. Но в то далёкое время пьесы считались вульгарными произведениями, безделками. Их сочинение не сулило автору никакой литературной репутации. А Шекспиру мечталось выбиться в люди – стать джентльменом. И хотя театр был развлечением для простонародья, королева Елизавета скуки ради приглашала труппу в свою гринвичскую резиденцию. К сценическому искусству относилась весьма снисходительно: с королевским достоинством вяловато аплодировала и одаривала комедиантов кошельком с золотом.

Ни в какое сравнение с Елизаветой не шла Прекрасная трактирщица. Её харчевня находилась как раз напротив «Глобуса». И Мария трепетала от накатывавших на неё энергетических волн театра. Вот уж кто был истинной театралкой шекспировской эпохи! Прекрасные глаза Марии сияли,

лучились от сопереживания величественным красотам жизни, представлявшимся на сцене. Глаза темнели от мерзких гримас человеческой природы. Мерцали нездешним светом, погружаясь в бездну роковых страстей и превратностей судьбы, талантливо разыгрывавшихся на сцене.

Ах, если б это было дозволительно?! Мария стала бы первой актрисой в истории человечества! Тайная страсть бушевала в её груди – выйти на сцену и не сыграть, а прожить жизнь Джульетты, Клеопатры, Дездемоны… Однако ж в силу существовавшего общественного табу женские роли в театре играли мальчики.

Конечно же, Шекспир и Мария, зачарованные волшебством театра, не могли не полюбить друг друга. Мария называла Уильяма золотым пером английской драматургии. Он называл Марию королевой, пленительной королевой Англии… У Марии родился сын Гамлет.

Ах, какую власть имеет над людьми театр! Вобрав через него весь безграничный восторг и всю безмерную печаль жизни, Мария помутилась рассудком. Бедная женщина возомнила себя королевой, надев с полным правом на голову бумажную корону. Все вокруг считали её шутницей.

Весть о самозванке докатилась до Елизаветы, посчитавшей эту маленькую человеческую драму не столь безобидной для судьбы монархии. Марию с сыном заточили в мрачную каменную башню Тауэр. Елизаветинские «глаза и уши» всё дознавались сообщников заговора против королевы. Мария не могла взять в толк, о ком это спрашивают. Трагично, да так что по коже мороз, без конца декламировала: «Что короли-королевы? Они и есть настоящие шуты-шутницы. А трона достойны лишь битые-перебитые, всеми осмеянные шуты».

Ночным призраком являлся к Марии Шекспир. Уговаривал отречься от королевской короны: «Ради сына, королева, отрекись! Весь мир лицедействует! Так притворись и ты

простой трактирщицей. Что делать? Отрекись». – «Жизнь не театр, Уильям! Прости, я не могу».

Палачи сделали своё дело на рассвете. Бумажная корона на скатившейся головке вдруг заиграла, засверкала натуральными каменьями, жемчугами и бриллиантами…

В тот же час вдруг очнувшаяся от тревожного сна Елизавета увидела рядом на подушечке не переливавшую радужным светом корону, а уродливый головной убор из смятой бумаги.

Не спавший всю ночь Шекспир вдруг выронил из ослабевшей руки гусиное перо. Оно превратилось в воронье, едва коснулось пола. В тот же миг «Глобус» запылал языками яростного огня.

Шекспир больше не написал ни единой строчки. В тот же день он навсегда покинул Лондон. Уже в дороге его застала весть о получении им дворянского звания, дававшего право именоваться джентльменом. Драматический «Мистер Шекспир»…

Эпоха великих романтиков

Первозданная любовь

Вольфганг Амадей Моцарт

В те годы Вена слыла музыкальной столицей Европы. Всё здесь крутилось в водовороте мелодий, сочинений и пышных представлений. Отзвуки музыкальной жизни доносились и до Зальцбурга, что расположился у северных предгорий Австрийских Альп. Холодным январским вечером здесь появился на свет мальчик. Не успел младенец и разу вздохнуть от энергичного шлепка по попке, как возле него очутилась Муза.

Ещё мгновение назад она неприкаянно слонялась по дворцовым музыкальным салонам, тщась найти родственную душу. От чувства одиночества она была готова отдаться первому встречному мужчине, лишь бы звучать в унисон, дышать одним воздухом. Но ни у кого она не вызвала ни ответного чувства, ни страсти, ни экстаза. Вокруг кокетство, манерность, тугоухость и… немая пустота.

Вдруг Муза каким-то самым земным из земных инстинктов почувствовала вибрацию, импульсы, трепет. Они исходили от крохотного существа, появившегося на свет где-то вдалеке, в предгорьях Альп. Мощным пластичным броском Муза переместилась туда, где живой комочек только и ждал её появления, чтобы с первым же глубоким вдохом втянуть в себя неповторимо земной женский аромат, космическую энергию и сладость Музы. Два неровных дыхания пленительно друг для друга слились воедино.

Будучи тонкой материей, Муза обладала даром провидения. Вот – гениальный ребёнок, вынужденный жить взрослой жизнью гастролирующего музыканта. Рукоплескания европейских монархов. А спустя годы и годы – нищенская, в беспорядке, квартирка и свободный от угодничества полуголодный гений: хлеб да кофе. Отчётливо поняла, что захвачена этой неистовой натурой. Что пойдёт за этим исхлёстанным бурями и страстями человеком, чтобы никогда с ним не разлучаться. Ей ли быть высокомерной? Муза помнила, как была готова отдаться любому, хоть во дворце, хоть на соломенном тюфяке, лишь бы поняли её, упивались бы ею. Она сделала свой выбор.

Пока ребёнку не исполнилось двух лет, Муза лепетала с ним на его младенческом языке, неслышно для других наигрывая на пастушьем рожке. А вот на третьем году жизни Муза заговорила детским языком. Струясь эфиром, милой девчушкой в локонах она садится рядышком, играя с Моцартом на клавикорде, маленьком пианино. Красота звуков разливается в воздухе.

Позже Любовь заговорит с ним на ребяческом, юношеском, зрелом языке. И мощные оркестры – фортепьяно, скрипки, альты, гобои, флейты, фаготы, валторны, контрабасы, виолончели, трубы, тромбоны, литавры – чувственными потоками будут изливать любовь, гнев, страсть, едва ли не эротические переживания и одновременно всечеловеческую и очень личную скорбь и отчаяние.

Моцарт говорил себе, что он насквозь пропитан музыкой. Охваченный лихорадочной дрожью, он отдавался ей целиком. Писал музыку так же естественно, как птица вьёт себе гнездо.

Кстати, о гнезде… Моцарт не научился использовать свой талант в своекорыстных целях. А если и заводились деньги, то считать их не умел. Случалось, вместе с женой Констанцией они получали огромное удовольствие от вечеринок и маскарадов, веселясь дни и ночи напролёт.

Гений позволял себе быть просто человеком, дурачиться, чудачить. Вот он пишет Констанции про оперного персонажа, который при каждом прыжке оглушительно пукает! Или, в другом письме: «…оставаясь верным мужем, целую тебя 1095060437082 раза!» Смешной!

И такой неприспособленный к житейским передрягам!.. Атмосфера артистической богемы, заклятые друзья и до гроба верные враги, приятели, поклонники, завистники в беспрестанной суете нищенской квартирки. Днём и ночью. А посмотреть со стороны, так Моцарт – один из самых одиноких людей, когда-либо ходивших по земле.

А что же Констанция? Да, кажется, не унывает. Вот она ходит посреди домашнего хаоса и, как обыкновенно, насвистывает песенки из «Фигаро». Однажды, прислушавшись, Моцарт вдруг замирает всем существом, подходит ближе и упавшим, полным горечи голосом спрашивает: «Констанция? Моя любовь? Ты… фальшивишь»…

Мелодия идёт вверх и сразу прерывается, падает как подстреленная птица.

Свет и тьма

Иоганн Вольфганг Гёте

Какие только сказки ни живут на свете! Добрые и смешные, печальные и грустные. Бывают и жутковатые сказки. Такие, в которых прекрасное переплетено с чудовищным в такой клубок, завязано в такой узел, что распутать или развязать его не под силу и сказочным героям.

Ну вот хотя бы такая сказка. В тот год, а это было хороших два столетия тому назад, в одной из германских земель к концу августа подоспела пора ярмарок. Как было исстари заведено, в их веселье и шум не прочь был окунуться не только простой люд, но и высокие вельможи.

Вдруг в пёстрой толпе горожан показался нездешнего вида величавый старик. Кругом знати полно, так что вряд ли кто обратил бы на старика особое внимание, если б он не оповещал народ зычным голосом: «Празднуй, народ! Сегодня в полуденный час родится в этой земле великий поэт, гений! Которому будет дано никогда не состариться! Виват! Виват! Виват!»

Воодушевлённый услышанной вестью князь повелел подвезти на центральную ярмарочную площадь винную бочку. Её, в форме двуглавого орла, лихо подкатили княжеские молодцы. Из одного крантика-клюва бочки изливалось дармовое белое рейнское вино. Из другого клюва-крантика – красное.

Народ пиршествовал! Мало того! По княжескому велению запыхавшийся казначей притащил на своём необъятном животе тугой полотняный мешок и стал разбрасывать посреди ликующей толпы деньги. Золотые и серебряные монеты весело сверкали в воздухе и как металлические капли дождя обрушивались на счастливых бюргеров.

Прорицатель не соврал! В самом деле, в полдень в незнатном, но зажиточном семействе Гёте родился мальчик. В большой колыбели орехового дерева, выложенной слоновой костью и чёрным деревом, лежал младенец, сиявший здоровьем и красотой. Родители нарекли сына Иоганном Вольфгангом.

В день его рождения звёзды находились в счастливом сочетании. Солнце в знаке Девы стояло в своей наивысшей точке. Юпитер и Венера смотрели на дневное светило вполне дружелюбно. Меркурий – невраждебно. Сатурн и Марс были равнодушны…

К вечеру стих ярмарочный шум и нечаянный народный праздник. В темноте августовской ночи по городу брела старая нищенка. Она стучала в кованые зубчатые ворота дверным молоточком и выпрашивала корочку хлеба, чтобы хоть немного продлить своё жалкое, безрадостное существование.

Сытые бюргеры испуганными голосами кричали своим привратникам, чтобы те наглухо закрыли все ворота, двери, башни, лестницы. Хотя те всё проворно исполнили, бюргеров охватило необъяснимое, таинственное предчувствие надвигающейся беды. К тому ж, видя отказ в подаянии, немощная старуха удалилась, невнятно бормоча о превратностях судьбы: «День – ночь, свет – тьма, полуденная щедрость – полночная скупость, чистый гений – злой гений, обыкновенный человек – сверхчеловек…».

В это время в небе Луна, как раз вступившая в фазу полнолуния, во всю мощь обнаружила силу своего враждебного сияния. Ночное светило неистово противилось появившемуся на свет Иоганну Вольфгангу.

По ночному городу вдруг пронёсся страшный вихрь. В роковой схватке сцепились тёмные и светлые силы. Малыш ока-

зался при смерти. Чтобы остаться в живых в ту ночь, крошке Иоганну не оставалось ничего иного, как заключить союз с врагами против самого себя.

Прошло два десятка лет. В голове юного поэта возникают сразу две темы его творчества: Вертер и Фауст. Дни напролёт Вертер, баловень судьбы, весело кружится в водовороте развлечений. Шутка ли сказать: по нескольку приглашений в день на празднества, пикники, балы и спектакли! Его влюблённостям нет числа! Однако при первом же намёке на свадьбу Вертер обманывает ожидания влюблённых в него сердец и бежит…

С наступлением темноты какой-то злобный гений стал тайно навещать его, Фауста. Ум мутился. Фауст проваливался в пучину тьмы, боролся с самим собой, наслаждался и страдал от своей пагубной пылкости и варварской грубости. В фантастических ночных обольщениях его была достойна лишь любовь античной Елены прекрасной. Той самой, что по легенде восстала в камышах из лебединого яйца.

И только однажды, когда Гёте было уже глубоко за пятьдесят, ему удалось на полмгновения перелукавить судьбу. Он, премьер-министр, его превосходительство фон Гёте, взял в жёны простую девушку из народа. Но эта причуда никак не отразилась ни на его освещённой солнцем стороне жизни, ни на другой его стороне.

Вертер влюблялся до конца своих долгих дней. В семьдесят четыре года его «последней» любовью стала девятнадцатилетняя Ульрика фон Левецов. Да ещё «последний» роман страсти к юной Минне Херцлиб. Да, это был воистину нестареющий гений-поэт!

Ночами же неизъяснимый рок увлекал Фауста в лабиринты сладострастия. Царил в нём страшный хаос: свет и тьма. Белые и чёрные, безумные погони за счастьем закончились для Гёте в возрасте восьмидесяти трёх лет. Пережитое навсегда соединилось с пригрезившимся и сочинённым. Говорят, что, умирая, Гёте сказал: «Больше света!». Не вполне понятно. Но что поделаешь? Быть непонятым гением – его доля.

Плачь, муза, плачь!..
А.С. Пушкин

Поэт и красавица

Александр Сергеевич Пушкин

Сказки пишутся в зрелые годы. Когда ясно понимаешь, что Добро беспредельно, а Зло безгранично. И когда эти две бесконечности пересекаются, то происходит вот что.

Три столетия назад на Земле произошло полное затмение небесных светил. Кто-то спорил на четырнадцать бутылок шампанского, что всё это вздор и чепуха. А чувствительные люди восприняли это как дурное, зловещее предзнаменование. Они-то, к сожалению, и оказались правы.

Тьма и Мрак воспользовались затмением и спарились. Через сто девять лет, когда подобное явление повторилось, Тьма разродилась Нелюдью – старым, косматым, злобным существом. Ну ладно б такое Лихо было мальчиком: мужчинам с такой внешностью всё же легче. Так нет, родилась девочка. Незавидная участь.

Родители понянчились с Нелюдью, да и бросили это дело. Чувствуют, что ребёнку с ними скучно: уж очень они опытные и злобные. Лиху их не переиграть! Вот кабы Чистоту и Невинность найти, тогда б Нелюди и отыграться. Отпустили дитё в путь-дорогу: «Может, и выправится, похорошеет. На человека станет похожа».

Ковыляет по свету Нелюдь, да как-то всё ей не интересно. Дела идут у неё через пень колоду. Но вот жуть: однажды что-то и как-то вывело её с кривой дорожки да на столбовую дорогу. И оказалась Нелюдь в Тридевятом царстве, в Тридесятом государстве. И стоял там посреди белёхонькой заснеженной равнины хрустальный дворец. До чего ж Русь всегда завораживала путешественников!

Зима в том дворце как раз была временем балов и веселья. Съезжались сюда самые блестящие красавицы и кавалеры. Воспользовалась Нелюдь костюмированным балом, надела пристойную маску на своё обезображенное злобой лицо – и в гущу карнавала. Села аккуратно в уголочке, а воспитанная в дворцовом этикете молодёжь раскланивалась перед старухой, свидетельствуя ей своё почтение. А как отойдут, нет им дела до страшной старухи: дремлет она или настороженно следит за красиво танцующими парами.

Однако ж сидела Лиходейка на празднике не праздно. Вот узрела она ослепительную и пленительную Красавицу. И стала пить Нелюдь свежесть с её лица, сама при этом всё молодея и молодея. Да только прелесть Красавицы была такова, что не подурнела она и от завистливого сглаза.

Шарит въедливыми глазами старуха по дворцу и замечает в углу зала ещё одного избранника – Поэта. В его одухотворённости угадывается гениальность и влюблённость в ту, к чьим ногам он мысленно складывает свои поэтические шедевры.

Вперив испепеляющий взгляд в Поэта, всеми забытая старуха злобно шепчет-внушает: «Мошенник, мерзавец

этакий, бестия, пьяница, картёжник». Но в Поэте чувствуется такая внутренняя сила, такой талант, что злопыхательство не коснулось его.

Однако ж Лихо не унимается. Когда смиренный взгляд Красавицы устремляется на Поэта, смердящая старуха, встряхнув чёрным платочком, приводит в колебание воздух в зале. И в преломлённом свете Красавица видит невзрачную маленькую фигурку со смуглым или даже чёрным лицом, длинным носом и лохматыми бакенбардами. И будто Поэт бестактно поворачивается к Красавице спиной, удаляясь в беспутную компанию.

То же Лиходейка проделывает и с Поэтом. Когда тот, затаив дыхание, смотрит на Красавицу, старуха словно невзначай взмахивает беленьким платочком. И Поэту видится, что Красавица настолько высока ростом, настолько бела лицом, что у него сердце в груди падает от страха быть отвергнутым ею. Того Лиху мало – своими демонскими, магнетическими усилиями она фокусирует будто бесстыжые взоры всех кавалеров на предмете его Любви. А юная дама будто таинственно и разнеженно улыбается кому-то из увивающихся вокруг неё франтов.

Тяжело досталось Поэту сватовство к Красавице. Старуха незримо следовала по его пятам. Едва заложат карету для визита, как старуха заухает по-совиному. И отъезд в дом невесты откладывается. А то подгадает так, что встречу назначат на тринадцатое число.

И тогда Поэт, не в силах более страдать от неопределённого ответа на своё сватовство, вдруг взнуздывает своего верного Пегаса и, как на крыльях, оторвавшись от злобной погони, прилетает к Красавице. И вот уж – стук на крыльце. В гостиную прямо из прихожей влетает калоша – это Поэт торопливо раздевается. А стройная, как пальма, Красавица в ответ на немой молящий вопрос тихо отвечает: «Да». Тут уж на радостях не грех и промотать все деньги, потратить их без удержу и расчёту!

Однако ж приковыляло и Лихо. Стоит будто в сторонке, а как пришло время обменяться молодым кольцами, так и подтолкнула в локоток Поэта, чтоб, обронив колечко, обмер бы от предощущения несчастья.

А Лиходейка всё не унимается. Подойдут влюблённые к зеркалу, а в нём будто трещина их разделяет. А при выходе с крыльца родительского дома только что на голову черепица не падает…

А всё ж хороша семейная жизнь! Если б не светская обязанность по балам ездить, так и вовсе жизнь была б прекрасной! Мечтается Поэту поселиться где-то своим домом в уединённом месте и дожить до поры, когда сам он станет старым хрычом. А его любимая жёнка – старой любимой хрычовкой…

Ан, нет! Даже поэты и красавицы не вольны в этой жизни. Удрать в глушь, чтоб писать запоем, удаётся лишь изредка. А так… всё балы да балы, до одури, до смертной тоски. А там собираются всё франты, цыгане, литераторы, актёры, купцы, подрядчики, отставные гусары, студенты, шпионы, интриганы…

Лиходейка столько кровушки выпила, что похорошела-помолодела, освоилась в свете, разгадала в Игроке родственную натуру и слилась с нею без остатка.

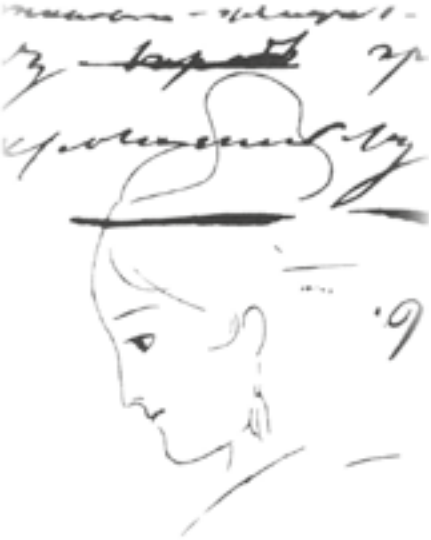
Поменяв женское платье на мужское, принялась за дело уже с откровенной грубостью. Лиходей, пытаясь скомпрометировать замужнюю Красавицу, бесстыдно преследовал её. Рассылались подмётные письма, так чтоб Поэту не оставалось ничего иного, как вызвать Игрока на дуэль.

Смешной Поэт пришёл на неё вооружённый острым пером. И дабы уравнять свои шансы с противником, поднялся ввысь на своём Пегасе. Однако смертная пуля Игрока-охотника сразила бедного Поэта на лету…

Игрок торжествовал. Но стоило ему случайно встретиться где-то в людном месте с Красавицей, как от одного толь-

ко её взгляда Игрок в тот же час вновь превратился в косматую, гнусную, злобную Нелюдь.

С той поры ни в хрустальном дворце, ни вокруг него не было ни видно, ни слышно Лиходея. Говорят, что он воротился к привычным для него тьме и мраку. А вот о Поэте и Красавице люди всё складывают и складывают легенды.



Звёздный час любви

Ханс-Кристиан Андерсен

Никто точно не знает, когда произошла эта невероятная история. Одни утверждают, что лет двести тому назад. Другие, не пускаясь в летоисчисления, простодушно считают, что то была сказочная пора для сочинения сказок. Точнее и не скажешь.

Так вот, жил да был в маленьком датском городке один сказочник. Его звали Ханс Кристиан. Он был человеком трогательным, очень добрым и немножко необыкновенным.

Поскольку Дания – сравнительно небольшая страна, то и одноэтажный дом у Ханса Кристиана тоже был маленьким и аккуратным. А к домику сказочника примыкал крохотный чудесный сад: в нём всегда царило лето. Хотя рядом на улице могла быть настоящая зима, по-европейски мягкая, но всё же сырая и ветреная.

Написав сказку, Ханс Кристиан обычно выходил в садик, где его радостно встречали круглогодичным пением птицы, кружили бабочки и стрекозы. Обитатели сада были счастливы, что у них такой симпатичный, пусть и немного чудаковатый хозяин. А мечтательному Хансу Кристиану после литературных трудов очень нравилось отдыхать, весело танцуя в летнем саду с порхающими бабочками и стрекозами.

Однако была у Ханса Кристиана одна заботушка: ему очень хотелось найти себе невесту. Вот и приходилось сказочнику-домоседу бывать в городе, в гостях, на светских балах. Но чопорные мамаши, приглядываясь к молодому мужчине, находили его странным, чудны́м и несколько взбалмошным. Ведь когда Ханс Кристиан кружил в танце с девицами на выданье, ему всякий раз казалось, что он вальсирует с садовыми стрекозами и бабочками. Мамашам казалось, что Ханс Кристиан выделывает какие-то непозволительные, недозволенные па и движения. В конце концов ему отказали в сватовстве во всех домах городка, где подрастали дочки.

Бесконечно грустный Ханс Кристиан сидел в летнем саду на скамеечке, а его глаза едва удерживали тяжёлые мужские слёзы. Они были как свинец, вот и опустилась голова мужчины чуть не до земли. Все букашки, гусеницы, птицы замерли от сострадания к прекрасному Хансу Кристиану. Но чем могли они помочь в его беде? Он просидел неподвижно весь вечер.

Наступала ночь. Купол неба над зимней Данией сверкал яркими ночными звёздами. Их были миллиарды. Но вот одна молоденькая, даже юная Звёздочка замерцала, закружилась, завертелась от переполнявшей её полудетской-полувзрослой энергии. Взбалмошная Звёздочка, больше из приличия и вежливости, проговорила своим неисчислимым сёстрам: «Прощайте, сестрицы! Я полетела! Вон к Нему!» И она указала световым лучиком на маленький датский са-

дик. «Не ждите меня – я никогда не вернусь!» – «Ты с ума сошла! Зачем?! Абсурд какой-то! Этих ничтожных людей видимо-невидимо… Чем они могут заинтересовать такое тонкое космическое существо, как ты? Своей муравьиной суетой?! Одумайся! Опуститься до земли – фу-у-у! Это так низко, недостойно Звезды!»

Но юная Звёздочка, опрокинув все астрофизические законы, уже преодолела то ли межзвёздное сопротивление, то ли притяжение и сорвалась с ночного небосвода. Неудержимо стремясь к Земле, она в упоении космического полёта падала. Вниз-вниз… Ах, если бы Ханс Кристиан поднял в эти мгновения свои печальные глаза! Ах, если бы Ханс Кристиан протянул к падающей Звезде свои молящие руки! Но Ханс Кристиан продолжал неподвижно сидеть, низко склоня голову. Ведь это только счастливчикам-везунчикам доводится увидеть в небе падающую звезду, загадать желание и поймать за хвост удачу.

Падающей Звезде ничего другого не оставалось, как буквально грохнуться о землю перед несчастным Хансом Кристианом. Словно в озарении мужчина увидел перед собою прекрасную Звезду. Они долго в немом восхищении смотрели друг на друга. Не веря в реальность происходящего, Ханс Кристиан протянул к Звезде руки. «Нет! – ответила та обидчиво и твёрдо. – Не делай этого! Я недостойна тебя. Разве ты не видишь, что я теперь падшая звезда?! Мне уже не вернуть своей репутации… Теперь моё место на улице. – Она всхлипнула: На панели…».

«Что ты?! – с ужасом воскликнул Ханс Кристиан. – Не смей!.. Ты так воздушна, легко одета… Тебе нельзя на улицу! Там зима, холод, и боюсь, что тебя не поймут люди… И потом, ведь это я во всём виноват! Я прозевал, проглядел тебя! Что я натворил?!»

Звезда остановилась в нерешительности перед садовой калиткой и затем с каким-то сожалением к себе произнес-

ла: «Но что же мне делать, Ханс Кристиан? Ты допустил, что я упала на землю, а от удара у меня разбилось сердце!»

Действительно, множество сверкающих осколков разлетелось по садику.

«Умоляю, не волнуйся, не бойся! Я этого не переживу! Я сейчас… Я мигом!» –

Он начал судорожно собирать переливающие радужным светом осколки. Умными, добрыми руками он прилаживал осколок к осколку, пока они не срослись будто в хрустальное сердечко. Ханс Кристиан любовался им, когда Звезда быстрым движением выхватила хрусталик сердца, давая знак не прикасаться к ней. «Не подходи! Не обнимай и не касайся меня! Мне опасна близость с тобою! Ведь я прилетела из астрального холода. …А у тебя, догадываюсь, пылающее сердце, горячие губы и всё то, чему я не знаю названия!.. Меня знобит… Ты растопишь меня своим теплом. Своей любовью. Не знаю, хочу ли я этого. Уж лучше держись на расстоянии. Вот так», – и она улеглась на травяной ковёр, не сводя глаз с Ханса Кристиана. Мужчина подчинился и тоже лёг на зелёную траву, не сводя зачарованных глаз со Звезды.

Сколько времени они лежали, с наслаждением разглядывая друг друга, неизвестно. Но расстояние между ними сокращалось. А что в этом удивительного? Ведь земной шар всё время трясёт то в одной, то в другой точке планеты… А теперь эпицентр глухих толчков находился как-раз в датском летнем саду! От сотрясения земли сближаются даже материки! А уж маленькое космическое тело и земное, человеческое, от таких толчков, естественно, сблизятся…

На рассвете птицы, паучки, бабочки увидели Ханса Кристиана лежащим ничком на холодной росе. Паучки тотчас же начали ткать для своего друга тонкую и лёгкую, как паутинка, мантию. Светлячки украсили её блёстками, птицы втиснули в ткань самые красивые перья, а невесть откуда

взявшиеся горностаи оторочили мантию своим королевским мехом.

Друзья укрыли Ханса Кристиана не потому, что им было неловко за его наготу. «Ему нечего стыдиться! Просто предутренние часы всегда холоднее ночи», – делились они друг с другом.

Проснувшись, Ханс Кристиан не знал, что это было: сновидение или придуманная им сказка. Но мантия, вся в дрожащих капельках холодной росы, уверяла его в реальности сказочной любви.

Любовь и призраки

Джорж Гордон Байрон

До чего ж таинственны сказки островных народов! Ну хотя бы тех же британцев! И неудивительно: влажный морской климат вызывает здесь частое образование густых туманов. А в них-то все сказочные события выглядят особенно интригующе…

И если бы только туманы! Есть ещё одна напасть – призраки в старинных английских и шотландских замках. Их на острове столько! Хорошо сохранившихся, а порой лежащих в живописных, благоговейных развалинах. И все они кишмя кишат привидениями. Эти существа, как облако или стелющийся дым, мелькают в анфиладах бесчисленных комнат…

Видения и выходцы из призрачных миров не только тревожат английских аристократов, но порой и самым драматическим образом вмешиваются в людские судьбы.

И это ещё не всё. Самые таинственные и жуткие перипетии на древней земле кельтов происходят в полнолуния, когда портреты мёртвых предков оживают в слепящем лунном свете. Оживают и заговаривают с потомками страшными и печальными голосами.

Да-да! Именно так и было дело с прелестной Мэри Чаворт, которая с детских лет мечтала о свадьбе! Она как будто и была готова ответить взаимностью на пылкую любовь к ней юного Джорджа Гордона Байрона…

В ту драматическую ночь нежная дева томно вздыхала, когда вдруг светило трагически вмешалось в ход событий. Луна буквально залила светом портрет не кого-то другого из её родовитых предков, а именно портрет двоюродного дедушки Мэри. А тот был убит на дуэли родственником Байрона. Бескровные губы прошептали о неотмщённой крови рода Чаворт. И месть свершилась! Мэри отказала в любви величайшему поэту Англии!

Но что делать? «Так вертится жизнь», – сказал поэт-мудрец. Даже после жестоких ударов судьбы жизнь продолжается. Настал день, настал час, и лорд Байрон женится на леди Аннабелле Мильбенк.

По столь торжественному случаю в средневековом родовом замке Байронов были подняты фамильные знамёна. Под их хлёст на порывистом шотландском ветру к замку съезжались бесчисленные коляски, кебы, кареты с гостями.

На короткое время мрачность замка растворилась в блеске и шуме празднества. Когда же приглашённые разъехались, замок погрузился в привычный сумрак.

Ах, каким зловещим виделся замок Белле: зубчатые стены на фоне диких скал, пугающие крики ночных птиц, отдававшиеся эхом под гулкими сводами залов. Всё, буквально всё наводило ужас на бедную женщину, леденило чувства. Ей казалось, что вокруг неё идёт едва различимая жизнь в параллельном мире. Шурша между шторами и стенами, сле-

тались привидения. Не важно, что их очертания были размыты, ясно чувствовалось, что сами они зорко приглядывались к Белле, щурились на неё, шептались о ней…

Напрасно Байрон смешил Беллу, пытаясь подружить её с такими общительными ночными жителями его замка. И вообще, это не призраки вовсе, а байроновские видения его будущих стихов и поэм. Но тщетно…

Зато уж кто истинно по-английски забавлялся общением с этими таинственными домашними существами, так это дочурка Байрона. Ещё во чреве матери Ада Августа полюбила отца и всех-всех рождённых его гениальным воображением неземных и земных существ: корсара с его единственной на свете Медорой, Дон-Жуана в ожерелье экзотических красавиц: Юлии, Гайдэ, Гюльбеи, Дуду… Зулейку с Селимом, Торквиля с Ньюгой…

«Зачем любящих пути всегда фатальны?» – сказал поэт-мудрец. Через месяц после рождения дочери Белла рассталась с Байроном, безоговорочно лишив его возможности видеться с Адой Августой.

Одинокий, униженный, в компании своих грустных, иронически-насмешливых видений Байрон навсегда покинул Англию, отправившись куда его глаза глядели: в Севилью, Венецию, Грецию, в Стамбул…

Когда же в поздний ноябрьский день графине Аде Августе Ловлейс придёт час лечь, по своему завещанию, в могилу отца, скорбную процессию вдруг окутают клубы густого английского тумана. Невероятно, но в нём все провожавшие ясно различили, как из могилы отец простёр руки, чтобы заключить дочь в свои объятия.

СТАРЫЙ ГРАФ

ПЁТР ИЛЬИЧ ЧАЙКОВСКИЙ

Так бывает всегда. Рождается человек, и в тот же миг запускаются сказочные часы его жизни. Время как будто идёт своим чередом, однако сказка закручивает свой сюжет, затягивает в свой круговорот страстей, воображения и реальности. Особенно это верно для людей одарённых, талантливых, чья натура и без того предрасположена к чудесному.

Вот и Петенька Чайковский наделён фантазией, которой и взрослые позавидуют. А необычайная музыкальность ребёнка вызывает восторг даже у искушённых слушателей. «Вы, батенька, прирождённый композитор… Только эта стезя балаганная, скоморошья. Не для вас». Табу. Колёсико истории сворачивает с большака в тупик…

Повзрослев, Пётр Ильич принуждает себя ежедневно мучиться, скрипя пером, на нелюбимой службе в департаменте юстиции. Пока одна отдушина – литература, Пушкин. Нака-

нуне прочёл «Пиковую даму». Из головы не шёл Германн – до чего ж они с ним были схожи! А назавтра – будто с потолка на скучный канцелярский стол опустилась деловая бумага, перевернувшая всю жизнь молодого человека. В завещании Старый петербургский граф распорядился о посмертном своём захоронении с волшебным перстнем на левой руке.

Любопытным был перстень. О нём ходили глухие слухи. Будто бы его обладатель наделялся полной свободой в выражении своего художественного таланта. Перстень передавался только по мужской линии. А ввиду отсутствия таковых в роду Старого графа, дальнейшая судьба чудесного перстня решалась завещанием окончательно и бесповоротно.

Хотя бумага и носила строго конфиденциальный характер, Пётр Ильич решил воспользоваться этой информацией в личных целях. Мучительно было думать: «Неужели волшебному перстню пропасть втуне? А ведь можно осчастливить горящего внутренними страстями милого молодого человека!» Граф стар, попросту говоря, дряхл. Не ровен час, может умереть через неделю! Через два дня!

И он решился. Разыскав старинный особняк графа, Пётр стал прогуливаться возле в надежде сблизиться с графом и уговорить его отдать перстень. И вот в окошке мелькнуло славное личико девушки, судя по всему, внучки Старика. Лизанька и впрямь приходилась единственной наследницей графа.

Девушка с затаённым страхом и внутренней гордостью наблюдала за нежданно явившимся воздыхателем, который с надеждой и мольбой устремлял на неё свои отчаянные взоры. Улучив удобный момент на улице, Пётр передал Лизаньке свою записку. Из сбивчивого её текста девушка только и поняла, что Пётр Ильич, как воспитанный мужчина, не хочет причинить Лизаньке зла, а намерен только объясниться. «В чём же? Да в любви, верно, в чём же ещё объясняются в молодые годы?» – решила юная мечтательница.

Когда граф, до старости сохранивший роскошный оперный голос, отправился в театр, провожавшая его до кареты Лизанька оставила приоткрытой парадную дверь, о чём в стыдливой записочке уведомила своего таинственного корреспондента.

Прошло несколько томительных часов. До возвращения графа домой Лизанька в своей светёлке так и не дождалась Петра Ильича. А тот, спрятавшись за плотную портьеру в графской спальне, выжидал, когда старик останется один со своим волшебным перстнем.

Но вот дом и угомонился. Едва граф приподнялся в кресле, чтобы отойти ко сну, как из-за портьеры явился взволнованный молодой человек. В его тоне не было ничего угрожающего. Молодого человека мучила одна навязчивая идея – заполучить перстень. «Ведь не в могилу его зарывать?!» А отдаст граф его Петру Ильичу, так тот век будет помнить милость. Сумасшедший проситель аж все грехи старого графа был готов взять на себя.

Побелевший со страху старик только и мог, что полураскрыть свои скрюченные трясущиеся руки. На них перстня не было. «Нет его, нет», – не сильным оперным, а сиплым задыхающимся голосом произнёс граф. А когда Пётр Ильич лихорадочно схватил старика за руки, не веря своим глазам, что перстня на них нет, старик резко отдёрнулся и навеки затих…

Поднявшись в светёлку Лизаньки, Пётр Ильич рассказал ей о случившемся и, не утешив девушку, а только прокляв свою горькую судьбу, неприметно для прислуги покинул графский дом.

Все три дня Пётр Ильич сказывался всем больным. Не вставал с дивана, словно жизнь для него кончилась. Вдруг вечером мимо окна прошёл человек, как будто пытавшийся разглядеть что-то в тёмной комнате. Пётр Ильич едва ли это заметил. Ему всё стало в этой жизни безразлично. Однако вскоре послышались шаги в доме и какое-то старческое

топтание у двери. Она отворилась и в середину комнаты в домашних туфлях вступил Старый граф. Пётр Ильич, едва не задохнувшись от страха, моментально вскочил. Оказавшись возле старика, почувствовал, как в его горячую ладонь граф вложил холодный, как лёд, перстень. «Наденешь его на руку не раньше, чем женишься на моей внучке». Повернулся и вышел. Снова прошёлся мимо окошка, словно желая разглядеть сквозь него ода́ренного им молодого человека. Исчез.

Пётр Ильич, не веря своему счастью, зажёг все свечи в комнате. И всё не мог налюбоваться на магический предметик. Не думая о Лизаньке, моментально забыв о последнем наказе графа, молодой человек зачарованно вдел безымянный палец правой руки в перстень и провалился в странный сон… Поутру никак не мог стряхнуть с себя ночное наваждение – ощущение горячего льда во всём теле.

Прошло много лет блистательного и триумфаторского шествия опер и балетов Чайковского на императорских сценах. Слава композитора перешагнула границы и разлилась по всему музыкальному свету. Поклонники восторгались гением, но в частных беседах шептались и перемигивались. Устав от косых взглядов, Чайковский заглянул за утешением к давнишней знакомой – внучке графа Лизаньке. Та благосклонно приняла его предложение руки и сердца.

В первую же брачную ночь Лизанька со смущением, смятением, ужасом наблюдала, как Пётр Ильич укладывается в постель с перстнем на правой руке. «Как? Вы никогда не меняли руку на ночь?! Ужель вам было неизвестно, что это делать надо непременно?»

Никогда не задумывавшийся над этим Пётр Ильич хотел было снять перстень с правой руки и надеть на левую, но тот не поддавался. Когда с великим трудом удалось-таки переменить руку под перстень, облегчённо вздохнувший Пётр Ильич раскрыл объятия для Лизаньки… Но сжал в своих руках ухмылявшегося Старого графа…

Фридрих Ницше

Той, что однажды
прочтет эту страницу
Ф.Ницше

В книге сказок человечества есть одна прекрасно-трагическая. Всё началось с озарения Заратустры – Золотой Звезды. Медово-власая Зара, с гибким, победоносно красивым телом, ожидающим только взоров и протянутых рук, мечтала танцевать, а потом летать-летать, стыдясь всяких одежд!

В тот роковой день Зара лежала под яблоней, раздумывая, до чего же она богата и как одинока в целом мироздании! Она почувствовала озноб. И тут же, в полном безветрии, с яблони сорвалось розовое яблоко, угодившее прямо в сердце Зары. Так просто пришла разгадка загадки жизни. Любовь, любовь, любовь! Жажда её достигла у Зары своего апогея.

Но вокруг ни души. Любовное волнение действует и на расстоянии. Заре страстно захотелось среди сущего мира найти затерянный уголок… И сотворить себе солнце!

Ах, как ищут друг друга мужчина и женщина, так искала Зара своего мужчину, слишком человеческого, который бы поднялся на шесть тысяч футов над уровнем человека… Но сколь обманчивы такие ожидания? Ну да, следовало осте-

регаться таких приступов своей любви. Слишком поспешно одинокая протягивает руку тому, кто с ней повстречается…

Но то лето было жарче и наэлектризованнее, чем это обычно здесь бывало.

К тому же приближался момент солнцеворота, когда наступает роковая одновременность весны и осени. Холод одиночества заставил Зару дрожать. А от этого она всё больше сбивалась со своей орбиты, сходила со своей звёздной траектории, перемещаясь в другие миры и пространства. Ей оставалось только распрощаться и раскланяться с прошлым. Вслед посыпались два проклятья и двадцать скверных ругательств. Так начался закат Заратустры.

На Земле, как оказалось, живёт много людей. Она могла заглядывать в их жилища: сплошь недовольные и угрюмые лица. Но возле городка Пёстрая корова Зара разглядела его, мечтателя-мыслителя, такого же охотника до загадок. Фридрих Ницше действительно сидел в альпийском уголке, трагически понимая, что мир вообще никуда не годен. Вот уже годы, как нет у него никакого утешения, ни капли человечности, ни дуновения любви. Разве что он охотно захаживал в европейскую кондитерскую.

Подобно внезапному волшебству Зара оказалась на лугу рядом с Ницше. Тот, как и всегда, искал счастья на земле для всех. Переосмыслив немыслимое, решил научиться счастью у пасущихся рядом коров. И как вы думаете, что случилось тогда? Ницше – Заре: «Знаешь, я половину утра выведываю у коров формулу счастья. Зачем ты помешала им? Они как раз собирались ответить мне, как появилась ты!»

До этой встречи его отравлял ядовитый яд – любовь к человечеству. Но вот, вдохновлённый любовью, он сварил из этих ядов бальзам. Он больше не будет ходить у судьбы в дурачках!

Они жили наедине то в чащобе – в довольно приличном домике лесника, то вели идеально-чердачное существование в Швейцарии, Италии. Они ощущали, что вообще не

были чужими друг другу, ни единого мгновения! Но разве могли они замкнуться в своём личном, очень человеческом счастье? В робинзоновской оторванности и забвении людской скорби?

Заратустра разбросала по безнадёжно серому небу многоцветные радостные радуги – мосты к счастью. И опьянённый Ницше взобрался на самую высокую радугу, ту, что поднимала его на шесть тысяч футов над уровнем человечества.

Он шёл и ликовал. Ему открылась истина и светила новая одинокая звезда. Какая рельефность света и тени, сочетание экстаза с наивностью!

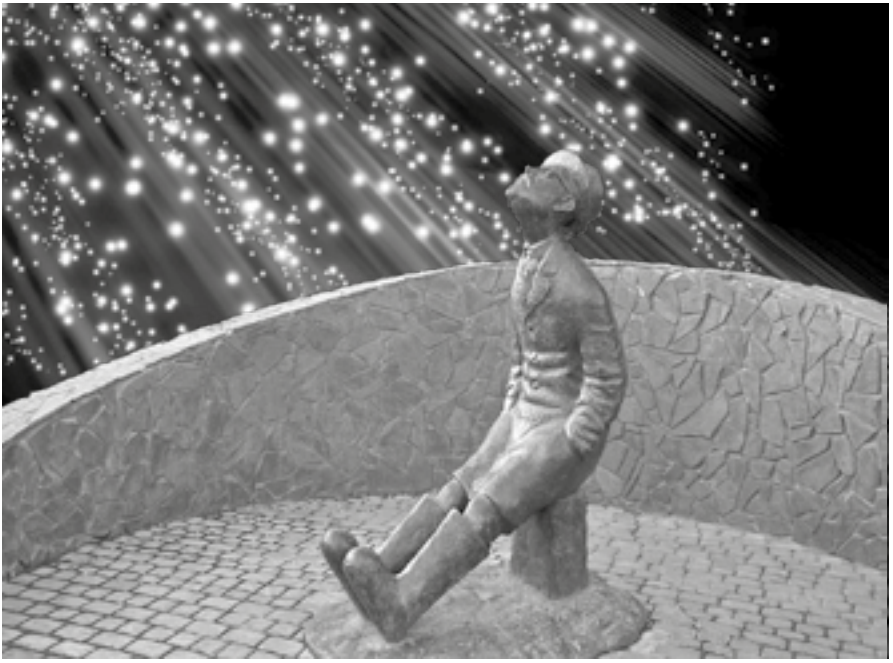
Ах, гений, гений – самая совершенная машина, какая только существует на свете. А следовательно, и самая ломкая. Вот он прошёл по радуге три четверти пути. От переполнявшей его радости он начал пританцовывать на краю космической бездны. Фридриху показалось, что теперь он сможет парить в науке и воздухе… О-о-о, старая проблема: «Как возможно зло?» Внизу под ним улюлюкала толпа злых, завистливых друзей-отравителей – участников мирового философского шабаша.

Вдруг кто-то из беснующихся прицельно пальнул по радуге, и канатоходец-плясун, нелепо зашатавшись, сорвался вниз. Золотая звезда бросилась на помощь, но законов земного тяготения не отменить. Распространили слухи, что Ницше не совсем умер – просто сошёл с ума. Что же до Заратустры, то, несмотря на научно-технический прогресс, астрономы всего мира тщатся, но уже не могут найти на карте звёздного неба звезду под названием Заратустра. А ведь на протяжении всех времён и эпох эта звезда тонким многообещающим фонариком светила человечеству.

Остались книги Ницше, полные надежд, которым ещё нет названия, и веры в светлые возможности сверхчеловека. А ещё иногда одиноким людям удаётся найти какой-то ослепительный загадочный осколок тела, по-видимому, неземного происхождения…

FRIEDRICH
NIETZSCHE
15 OCTOBER 1844
25 AVGVST 1900

Если звёзды зажигаются,
значит это нам нужно



ВЫЗЫВАННЫЙ МАЛЬЧИК

Константин Эдуардович Циолковский

Гении – это люди космического измерения, космического сознания, интуиции и такой же космической любви. Но и у этих величайших людей есть кусочек взрастившей их земли, так сказать, земная колыбель.

Вот для Константина Эдуардовича Циолковского колыбелью стала славная рязанская земля. Над стареньким домишкой, где только что родился мальчик, вдруг расположилась едва различимая туманная вуаль. И Вселенная только ей известной диагностикой просканировала крохотное космическое существо, словно предчувствуя в нём что-то удивительное. «Долгожданный звёздный мальчик! Тебя приветствует любящая Вселенная и надеется на ответное чувство».

С Млечного Пути в рот младенца незримо сцедилась первая в его жизни капелька молока, небесного молока.

В жизни маленького плохо слышащего Циолковского земных радостей было немного. И куда больше было радостей неземных. Вот он с берега Оки запускает воздушного змея. А невесомая корзинка-паутинка, сплетённая паучками, подхватывает его и несёт в чудесную волшебную страну Занебесье. Мальчишку охватывает восторг от почти физического ощущения космического полёта. Реальность и фантастика в нём неразделимы. «А на какую планету мне полететь сначала? А вот сконструировать бы космический корабль для межпланетных сообщений! Летать-летать-летать по маршрутам Рязань – Луна, Москва – Марс!» В руках звёздного мальчика не земной аршин, он меряет всё своим космическим аршином. Но в семье на все эти выдумки, опыты, макеты катастрофически нет денег…

За гениальным ребёнком ревниво наблюдает сын титулованного звездочёта. Он уже четырнадцатый в своей династии, отвечающей за учёт небесных светил. Но ему, дворцовому любимцу, никак не удаётся не только взлететь, но даже и подпрыгнуть к звёздам. А этот Циолковский будто ведает некие космические законы. Зависть снедает юного звездочёта. Но дворцовая наука давно научила его умело скрывать свой гнев.

И вот с дружелюбной улыбкой звездочёт подходит к настоящему звёздному мальчику: «Как это у тебя получается?» – «Всё можно придумать! Я уже рассчитал! Космический корабль может преодолеть земное тяготение и выйти в открытый космос!» – «Вот сюда, под камень, я положу несколько золотых монет. Если твоя идея дельная, то завтра деньги вырастут, и под камнем будет целый клад! Он будет твой, для осуществления твоей задумки». Звёздный мальчик наивно чертит на песке убедительные формулы. И «друзья» расстаются.

На следующий день под камнем – никаких денег: ни маленьких, ни подросших. Видно, идея их не стоит. Ничего не осталось и от доказательств башковитого фантазёришки на утрамбованной земле. Только следы от дорогих башмачков…

Жена и дети давно спят. Школьный учитель математики Циолковский сидит в своей получердачной светёлке-лаборатории и задумчиво глядит в манящее ночное небо. Растворяется в своей первой и единственной влюблённости. Звёзды сверкают, переливаются в ожидании волнующих юношеских признаний. Глуховатый учитель плохо слышит людей. Но тем слышнее ему сигналы из Вселенной. Он уже почти расшифровал её таинственные позывные. Вселенная доверяет ему свои сокровенные большие и маленькие секреты. А Циолковский в ответ признаётся в любви к чувственной, загадочной и ждущей контакта с человеком Вселенной. «Ты вечно юная, цветущая солнцами, планетами, жизнями! Наполненная космическим светом любви и неисчерпаемой животворящей энергией!»

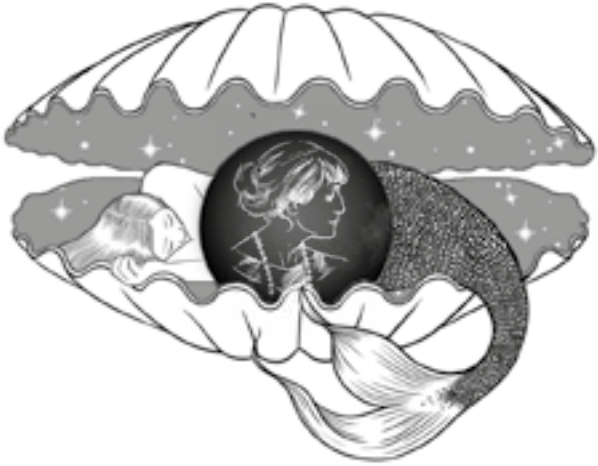
Возвращаясь на Землю из виртуальных путешествий в Ближний Космос, Дальний Космос, Циолковский стряхивает звёздную пыль со своего поношенного старомодного пальто. Всегда оказывающийся в эту минуту рядом звездочёт жадно заглатывает эту пыль, нисколько не страшась заразиться от неё звёздной болезнью.

Космический Сальери проводит ночи напролёт в балах, пирах и неге. Под утро он заставляет себя прильнуть к телескопу, но звёзд на небосклоне с каждым уносящимся годом всё меньше и меньше. «Ну, конечно! – выдвигает он ошеломляющую гипотезу: – Вселенной грозит тепловая смерть!» Так нечего упускать драгоценное время! Надо веселиться, пока солнце горячее! Скупать, не жалея целковых, все удовольствия на земной ярмарке жизни!

Вслушиваясь во Вселенную, в её дыхание, ритмику, учась у природы, Циолковский готовит и представляет почтен-

ному обществу звездочётов свои наброски конфигурации космического корабля, сложнейшие научные расчёты. «Ха-ха-ха! Этого нельзя показывать дамам! Только посмотрите на эту вытянутую обтекаемую форму корабля! Это же бред эротомана! Ну разве он не сумасшедший?!»

Свои тайники знаний Вселенная открывает лишь избранным: гениям, пророкам, жрецам, шаманам, подвижникам, йогам, юродивым. Избранника Вселенной сначала осмеивают, считают безумцем, неисправимым чудаком. Так и с Циолковским… Но через несколько десятков лет эта самая ракета дерзко взмоет ввысь, чтобы любовно и нежно войти в плоть юной, страждущей земной любви Вселенной. Он во Вселенной, Она – в Нём!



ЧЁРНАЯ ЖЕМЧУЖИНА

Анна Андреевна Ахматова

Он жил в небольшом приморском посёлке под Одессой. Место это было не совсем обычное: вроде рыбацкий посёлок, каких сотни. Однако… Вряд ли это было бы возможно где-либо ещё! Здешние мужчины брали себе в жёны не простых женщин, а морских русалок! Конечно, не было отбоя и от болотных русалок, но благородным считался брак только с морской красавицей.

Вот одна такая морская царевна и выбрала себе в мужья Его. По прошествии года царственная русалка разродилась крупной чёрной жемчужиной, своим первенцем, дочкой… Неудивительно, что ещё подростком Анна осознала себя царевной…

Она сидела на камне, заворожённо наблюдая за купанием в море созвездий, когда к ней приблизился высокий сероглазый мальчик, на полгода моложе неё. «Можно я сяду рядом на камень?» Она засмеялась. «Мне приснилось, ты сочинила, что на свете бывает любовь… И я поверил…». Он

протянул ей букет мускатных белых роз. «Зачем мне цветы? Они колются больно!.. И потом, нельзя же так наивно верить снам, цыганкам, поэтам!» – «Что же мне тогда делать? Ты стала моей бессонницей?!» – «Не знаю». И она отвела свои зелёные продолговатые глаза под чёрной атласной чёлкой. «Я царевна, и мне нужен кто-то другой?!» В задумчивости она подняла с земли голыш. «А знаешь, возьми этот волшебный камешек – он убережёт тебя от любви». Она не взяла роз, а он не взял таинственного камня.

Мальчик расплакался и, не простившись, ушёл. Она не остановила его, не поворотила. Но в тот же вечер цыганка, глядя в магические карты, разгадала тайну всей жизни Анны: «Будешь песнями приманивать, влюблять в себя…».

Наступили предсказанные дни. Анна была неподвластна чужим чарам. Она сама… Целая шкатулка любовных тем и длинные папирусы окаянных стихов были у неё. Ночами же Анна зажигала жёлтую звезду в своём окне, чтобы не заблудился возлюбленный. Не закрывала дверь, чтобы он мог без промедленья войти в её полночный дом…

Минули длинные зимы и скоротечные вёсны… К чёрной скиталице-нищенке приблизился высокий сероглазый мальчик и взял её за руку. Она обрадовалась и сквозь радугу слёз: «Это ты?!» Босые и загорелые, они побежали вниз, к морю, где на берегу лежала перевёрнутая старая растрескавшаяся лодка. Сейчас на ней сидела согбенная цыганка, раскладывавшая карты. Они всё время переворачивались шальным ветром и разлетались. Завидев детей, она собрала своё нехитрое богатство и пошла, не оглядываясь, прочь.

Подростки влезли под лодку, и изумлённая Анна увидела, что всё ложе под нею усыпано белыми лепестками мускатных роз. «А знаешь, царевич, я была не права – они совсем не колючие!» Она растянулась на атласно-белом покрывале земли, подложив руки под царственную головку, и мечтательно-вопросительно посмотрела на юношу.

Бюль-Бюль

Рабиндранат Тагор

Когда мать величайшего индийского поэта ещё только ожидала его появления на свет, она, по бенгальскому обычаю, обратилась к астрологу. Тот посоветовал назвать сына Рабиндранатом, именем того, кому покровительствует Солнце. И в самом деле, красоту его поэзии, мудрость, остроумие, благородство его стати, чувство собственного достоинства, аристократизм ещё при жизни высоко оценили во всех столицах мира. Написавший более двух тысяч пленительных песен, лауреат Нобелевской премии Рабиндранат Тагор был не просто обласкан, а прямо-таки заласкан международной общественностью. Его книги на русский язык переводили звёздные поэты: Анна Ахматова, Вероника Тушнова, Борис Пастернак, Давид Самойлов!..

Тогда же, до рождения, астрологи прочертили амплитуду судьбы и натуры Рабиндраната: из бесконечности в бесконечность, от вершин гениальности до пропасти безумия.

Когда мальчику было четырнадцать лет, его мать умерла, так и не успев разглядеть в самом младшем любимом сыне исполнения пророчества – превращения того в бюль-бюль, индийского соловья, по легенде, влюблённого в розу. Но как раз с уходом из жизни матери начали разворачиваться сказочные, фантастические события.

Понятно, что вся большая состоятельная семья Тагоров начала особенно жалеть и опекать осиротевшего Роби. И ближе других ему пришлась жена старшего брата, роковым образом ставшая поверенной его чувств и сердечных дум. Лепетало в ней малое дитя? Или мощно говорил материнский инстинкт?! Но впечатлительный мальчик видел в ней не просто подружку, но таинственный, прекрасный и влекущий к себе цветок. Действительно, Монджори, в переводе с бенгальского «бутон», была так хороша собой! Киноварь на чистом лбу придавала особую прелесть молодой рани-госпоже. А сари цвета жжёной глины прятало под собой юное блистающее, дивно созревшее тело.

Старший брат оберегал жену, как драгоценную розу, ухаживал за ней, лелеял. Но чтобы утешить младшего Тагора, старший брат пересадил розу под окно Роби. И когда на закате солнца роза начинала задыхаться в бредовом своём аромате, к Роби стали приходить стихи. Воистину, мир создан романтиком и нет в мире ничего реального: юноша писал гимны любви не обычными нудными чернилами, а дурманящим ароматом цветка, любовным нектаром.

Однако с некоторых пор старший брат стал чувствовать себя словно нищий во дворце. И неурочное пришло ко времени. Невероятные явления природы случаются даже в тропической Индии. Тут речь не о сезонных тёплых ливнях. Это явление привычно для Бенгалии. В доме Тагоров вдруг

подул ледяной ветер, погубивший теплолюбивую розу и забросивший Роби в Гималаи, на вершину одинокого сурового утёса. Вот уже тысячелетия, как отшельники предаются здесь одновременно простым и возвышенным размышлениям. О Добре и Зле, о Жизни и Смерти, о Преданности и Предательстве, о Целомудрии и Пороке… Об извечном перетекании одного в другое.

Здесь, посреди миров, юношу подхватил поток вечности и понёс. Какая-то призрачная сила, управляющая миром, своенравно повернула для Тагора время не вперёд, а назад. Вот почему, когда люди читают его поэтические произведения, им всем становится, о волшебство, по восемнадцать лет! И сам Рабиндранат Тагор в старости выглядел более красивым, чем в молодые годы. Он, скорее, созревал, а не старел. Да-да, время движется иногда не вперёд, а назад.

В душе гениальный поэт всегда оставался индийским соловьём, влюблённым в розу. Он был кинжалом в её груди, ядом в её мозгу, недугом в её теле. В отношениях же с женщинами, даже своей женой, он всегда оставался робким и скрытным.

Природа продолжала плести паутину иллюзий. «И сказок не пройдёт пора». Но место добрых красивых сказок стали исподволь занимать страшные и болезненные сказки. В конце жизни Тагор вдруг напишет серию картин о себе… Мрачные, жутковатые сюжеты. В их числе автопортрет: в его открытом взору сердце – непроходимые джунгли. В темноте зарослей сверкают глаза тигра. А он, босоногий мальчик, потерял дорогу…

СКИТАЛЬЦЫ

Святослав Теофилович Рихтер

В хороших любящих семьях сказочные рождаются малыши! Эти удивительные дети всю жизнь верят в сказку, всюду им чудятся эльфы, русалки. Они не хотят становиться взрослыми!

Вот и в семье Рихтеров чудеса не закончились после переезда их из Житомира в Одессу. Наоборот, удивительное только-только подступало к порогу их дома. Иначе и быть не могло. И дело тут не в бульварах, каштанах, морской набережной и шаландах. Не-е-ет, здесь другое!

Начнём с того, что на земном шаре Одесса была, есть и вечно будет местом особенным, волшебным. На музыкальном глобусе этот город выглядит как мощнейшая музыкальная аномалия! Отклонение от нормы одарённости, исполнительского таланта одесситов – наивысшее в мире.

Музыка в Одессе буквально разлита по воздуху, морю и суше. Все пьяны музыкой. Сюда едут, плывут, летят паломники, чтобы окунуться в атмосферу неслыханных фестивалей и всевозможных музыкальных разгуляев.

Стоит ли удивляться, что юный Рихтер безотчётно поддался этому излучению музыкальной аномалии? Незаметно для всех Рихтер, самоучка, стал свободно и хорошо играть на рояле.

Ну а пока юноша дни напролёт роется в местных магазинах, библиотеках, частных нотных хранилищах в поисках ещё не известной ему музыкальной литературы, продолжим наше сказочное повествование.

Непостижимо далеко от Одессы, за тридевять парсеков, в тридесятой галактике жила-была некая загадочная Звезда. В отличие от других именитых членов космического сообщества настоящего имени у неё не было. Несколько пренебрежительно её называли Скиталицей.

Было замечено, что несколько раз эта Звезда отправлялась как будто на Землю и всякий раз возвращалась бесславно из своей миссии. Звёздное сообщество мирилось с этой экстравагантностью, поскольку полвека, проведённые на Земле, были всего лишь миллионной долей мига для Вселенной. И такое кратковременное отсутствие Звезды на положенном ей месте не грозило пошатнуть основы космического мироздания, не могло разбалансировать небесную сферу.

Однако согласитесь, что поведение этой Звезды было в высшей степени необычным. Хотя, если хорошенько поразмыслить, такое бывает. Ну вот возьмите хотя бы Марс. Ведь и он багровеет, реагируя на военные аномалии на Земле. Или Титан. Он не равнодушен к магнитным аномалиям на нашей планете.

А что же Скиталица? Академики со своими сверхчувствительными приборами и инструментами ещё не разгадали, каким-таким образом эта живая Звезда резонировала на земную музыку. Вопреки всем законам космической физики гармоничные волны, исходившие из ареала Одессы, достигали Звезды и возбуждали её колебания.

Вот и на этот раз, едва услыхав, как Рихтер берёт аккорды с размаху, всей рукой, короткими, сухими и яростными ударами, Звезда потеряла покой. Покинув свою расчётную траекторию, она полетела к Земле, к манящей её Одессе.

Здесь, безошибочно угадав юного Рихтера, Звезда затормозила свой полёт и, как могла, щадяще ударила своим энергетическим телом в сердце юноши. Отчего у того остановилось дыхание, зазвенело в ушах, а от головы к ногам пробежала чувственная дрожь. Через минуту первая и роковая любовь разлилась по всему телу, растворилась в Рихтере без остатка. Да-а-а, это был тот, о ком Звезда мечтала бесконечность времён.

Юноша вдруг ощутил способность слышать музыку предметов, людей. Шум моря – это Вагнер, облака в небе – Рахманинов, встречные девушки – такая-то прелюдия у Шопена, вон тот маринист – ранний Бетховен, а этот часовщик – зрелый Моцарт. Или, наоборот, вон тот подвыпивший рыбак – какофония звуков.

Во время исполнения любимых произведений, будь то в концертном зале или дома, Рихтер слушал, заслушивался и куда-то исчезал. Он сидел, откинувшись. Голова чуть склонена набок. Лицо задумчиво и сосредоточено. Жесты мягкие и осторожные. Кисти больших мягких нервных рук очень часто высоко подняты. Кажется, что пальцы пианиста, едва касаясь клавишей, магнетическими пассами вызывают к реальности то, что уже звучит в его сердце.

Он постепенно растворяется в музыке. В приглушённом свете, почти в темноте, не замечая публики, Рихтер целомудренно отдавался любви, любви к музыке. Чудилось, что уже нет рояля – реальной вещи, с массивным деревянным корпусом и прочными металлическими струнами. Нет крепких рук, состоящих из костей и мускулов, – один лишь колеблющийся звучащий воздух.

Не только кончики пальцев, но всё его красивое тело было налито неземной мощью и одновременно бережной силой и

нежностью. Стихия, наполнявшая Рихтера, выплёскивала его музыку за стены концертных залов. Исполинские волны докатывались до Гималаев, Кавказа, Анд и, откатываясь назад, окрашивались в новые мистические звуки надменных гор и неровного дыхания вулканов. Звучание рихтеровского рояля гипнотически притягивало к себе незнакомые созвучия и людское разноголосье. Музыка Рихтера становилась зримой, предметной; в ней была вся боль и все надежды человечества.

И можно ль было красивее поведать миру о переполнявшей его любви, как не через музыку? Узнавая подчас, что в поселковом сибирском клубе, по маршруту гастролей, не было рояля, Рихтер с горечью и недоумением восклицал: «Как же так? Нет рояля? Везде должен быть рояль!»

Когда любишь бесконечно, прощаешь всё. Вот и Звезда не ревновала ни к чему человеческому в Рихтере. Ни к его рубахе с расшитым воротом, ни к жене, ни к подруге, ни к неизменно любимой кепке, ни к привычке ходить босиком, ни к восторгу от татарской бани, ни к желанию зрелых лет построить на Оке свой собственный дом в форме сферы…

Рихтер ещё не понимал, но Звезда уже чувствовала, что он вот-вот сольётся с нею в совершенном экстазе. Действительно, звуки рояля истаивают в светлой отрешённости от бытия. Очнувшись, Рихтер целует ноты, словно юный мальчик. Естественно, искренне и правдиво. Отвешивает последний поклон публике. Уходит за занавес. А когда тот раздвигается… за ним – пустота. Никого… Молчаливый рояль.

Звезда нашла своего супруга, такого же, но земного перестрадавшего скитальца. Она уже не безымянна, и Космос не бросает ей вослед обидного прозвища. Звезда вобрала в себя своего гениального возлюбленного и с той поры носит славное имя Рихтера.

Что же, жизнь, в особенности жизнь музыканта, – это лишь трепет космических сил, поток космической энергии, направленной сверху вниз, на Землю…

...заклинаю вас, не спешите,
помедлите немного под этой звездой.
И если к вам подойдёт маленький мальчик
с золотыми волосами..., не забудьте утешить меня в
моей печали, скорей напишите мне, что он вернулся...

«Маленький принц»
Антуан де Сент-Экзюпери

Антуану де Сент-Экзюпери

БРОДЯЧИЙ МУЗЫКАНТ

Владимир Высоцкий

Да, Маленький принц вернулся на свою крохотную планету. Там его ждала любимая роза, а теперь с ним был ещё и маленький друг-барашек. Напрасно Маленький принц опасался того, что барашек вдруг возьмёт, да и съест прекрасный цветок. Просто так, безо всякого злого умысла: захочется ему чего-нибудь пожевать. Нет, барашек об этом даже и не помышлял. Настоящий друг! Уж что верно, то верно: в хорошем доме и кошка с собакой уживаются.

Но никогда не знаешь… Вот и ожил третий спавший вулканчик на планете Маленького принца. Выбросы звёздной пыли погубили и розу, и барашка.

Маленький принц, свесив голову со своей планеты, в отчаянии задавал себе недетский гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?» Без любви и дружбы он уже не мог оставаться здесь, на своей маленькой родине. Значит, быть.

Для начала Маленький принц отправился на соседние планеты: ведь в его отсутствие нужно было кому-то приглядывать за его крохотной квартиркой.

На *первой* планете жил географ. Он пришёл в восхищение от идеи Маленького принца покинуть свою планету и отправиться в странствие, куда глаза глядят.

Хозяин планеты долго объяснял, а гость всё не мог взять в толк, что география – это кабинетная специальность. А раз так, то географу были очень нужны путешественники со своими докладами, полевыми отчётами и путевыми заметками. И вот он перед ним – странствующий рыцарь, который даже не заикается о своих командировочных расходах! Повезло! Идеальный партнёр!

И географ, конечно, порекомендовал посетить Землю: «Да, непростая эта планета! И умом не понять, и аршином не измерить…».

Вторая планета, которую навестил Маленький принц, была планетой Пьяницы. «Нет смысла отправляться в дальнюю дорогу за любовью… Вот возьми в пример меня. Я себе уже всё доказал – сначала хмелеешь больше от любви, чем от вина. Потом наоборот: хмелеешь больше от вина, чем от любви». Маленький принц сочувственно вздохнул и ничего не ответил.

На *третьей* планете жила гадалка, предсказывавшая судьбу по звёздам. Указывая на ночные созвездия своим крючковатым пальцем, она вещала: «Быть тебе трубадуром, бродячим музыкантом… Тебя всюду будут звать и приглашать. Колесить будешь по всем сторонам света. Да вот

только… по твоим пятам, будто виноватая, будет плестись оклеветанная, в грубом рубище Правда. А за ней неразлучно будет шастать разнаряженная Ложь».

«А… Любовь, друзья?!» – трепетно, тихо спросил Маленький принц. «О-о-о!!! По человеческим понятиям…» – от удивления гадалка не нашла слов.

Маленький принц посетил и *четвёртую* планету, которой руководил крупный Чиновник. Он был не в восторге от затеи Маленького принца. Чиновник по-отечески наставлял: «Глупый звёздный мальчик! Чего тебе не хватает? Здесь твой путь усыпан буквально звёздами! Можешь брать их пригоршнями. Сверкать! Блистать! Земляне обо всём этом только мечтают!» Но Маленький принц лишь вежливо откланялся.

Пятой планетой была планета Артиста. «Я звезда первой величины!» – без конца повторял он. «Мне не нужны аудитория, слушатели, зрители. Я пою для самого себя. Какой же это ка-а-аторжный труд! Тебе будет намного легче там, на Земле, в огромных аудиториях, на стадионах… Хотя ты и будешь до крови сбивать себе пальцы о гитарные струны и петь до хрипоты, пока кровь горлом не пойдёт». Прочистив голос, артист злорадно добавил: «Правда, такая земная напасть, как безденежье, может запросто испортить тебе всю музыку».

«Извините, меня ждут, – с трудом выдавил из себя Маленький принц. – Право же, довольно напутствий».

Вот так и очутился Маленький принц на Земле, в Москве, на Большом Каретном.

Имя ему друзья придумали вполне подходящее: одновременно и уважительное, и уменьшительно-ласкательное – Васёчек. Так разом, скороговоркой произносилось и писалось его полное земное имя – Владимир Семёнович Высоцкий.

Сколько книг прочитал он здесь взахлёб! Скольких встретил закадычных друзей! Ему было всё интересно. Всё важно. С детской благодарностью распахивал он всем своё чистое сердце. Оно вмещало людские радости, людскую боль. Все переживания переплавлялись в стихи, музыку, театральные

сюжеты. И он пел обо всём этом. Удивительно: его понимали люди, говорившие на ста различных языках и наречиях!

Ха! Маленький принц оказался более человечным, чем жители планеты Земля. А его любви и любви к нему могли позавидовать донжуаны всех времён и народов. Прекраснейшие дамы, волшебным образом оказавшись на его пути, сдавались в плен его ласковых, смотревших в упор глаз. Иза Жукова, Людмила Абрамова, «колдунья» Марина Влади вдохновляли его талант в пору юности, возмужания и зрелости.

Но вот в подмосковном городке последний концерт. Но кто же знал, что последний?! Появилась лёгкая фигурка в свитере, пересечённом ремнём гитары. Появилась и лёгкой походочкой подошла к микрофону. Запел хрипловатым голосом. Так, что засосало под ложечкой, захотелось смеяться, любить и простить это несовершенное человечество… Неслыханные овации, невиданный восторг перед простым человеком и потрясающим талантом…

На сцену упала роза, то ли с галёрки, то ли с небес. Владимир бережно поднял цветок и вдохнул в себя его аромат: «А-а-ах! Это та самая, единственная роза! С моей маленькой планеты! Это её, только её пьянящий аромат!» Захватило дух. Высоцкий прижал к своей груди розу, и её острый шип ревниво пронзил его незащищённое сердце…

Прекраснейшая дама крепко обнимала его, точно малого ребёнка, и, однако, ей казалось, будто он ускользает, его затягивает бездна, и она не в силах его удержать…

Кто ни разу за свою жизнь не понюхал цветка, не поглядел на звезду, не подумал о тех, кого приручил, тот никогда никого не любил.

Мы смотрим в глубокое звёздное небо, и нам вовсе не грустно. Ведь где-то там есть планета Маленького принца: неразличимый глазом астероид № 2374 с земным именем «Владвысоцкий».

ТРИ ВОПЛОЩЕНИЯ

Марина Влади

Удивительные бывают истории любви, которые иначе как сказкой и не назовёшь. Вот об одной такой сказочной героине и пойдёт речь.

Эту любовь она встретила вдали от своей родины, Франции, на русской земле, откуда происходили её родители и их предки до четырнадцатого колена.

Так что во всём её парижском существе жила иная, генетически русская память. Оттого и неудивителен артистизм натуры Марины Влади, влекомой к русской литературе и русской речи.

И вот в шестнадцать лет Марина в своей первозданной красоте снимается во франко-шведском фильме «Колдунья» по повести Александра Куприна.

Если Марина будто сошла со страниц повести на экран, то с исполнительницей роли старой ворожихи Мануйлихи дело обстояло из рук вон плохо. Ни одна актриса не была достаточно убедительна.

Что делать? Нашли и с трудом уговорили на участие в фильме реальную полесскую ворожейку, которая и сыграла самою себя.

В творческой группе старуха была расположена лишь к Марине. На досуге, как ни просили актёры Мануйлиху погадать, та и слышать не хотела. Ни французский коньяк, ни шотландское виски, ни русская старка не сломили упорства Мануйлихи. А вот Марине, без просьб и уговоров с её стороны, сама напророчила любовь на тридесятом году жизни. «Вот сегодня во время съёмок побежишь по лесу да вдруг споткнёшься, упадёшь. Прямо перед тобой – круглая, как блюдце, лужица. Заглянешь и увидишь наречённого». И вправду, всё так и случилось. Глянула Марина на отражение в воде, а там, в глубине – невысокий, плохо одетый молодой человек. Пристально так смотрит на неё восхищёнными светло-серыми глазами. Прямо в душу Марины.

Юной девушке запомнилось: «Будешь, дочка, летать, Синей птицей кружить по миру, всё сужая круги, пока не вернёшься к своим истокам в Россию… В трёх сказочных воплощениях пройдёшь через жизнь Избранника. У тебя с ним будет столько сказочных совпадений! У обоих – пьянящее чувство сцены, яркая актёрская звезда, а в душе – чисто

русские удаль и тоска! У вас обоих – всего один роковой шаг от вершин счастья до пропасти трагедии!»

Забавная была ворожиха. Как только закончились съёмки фильма, так, и не спросив гонорара, старуха села на помело и улетела под свист Соловья-разбойника в свою лесную глубинку.

С выходом фильма на экран босоногая полесская красавица с длинными распущенными русыми волосами безотчётно околдовала Владимира Высоцкого. Она стала его первой чисто эмоциональной любовью. Но не одна оригинальная внешность его очаровала. Всё его творческое естество угадало в Колдунье родственную натуру. Цельную и свободную. Ясный ум и бесконечную самоотверженность.

Прошли годы. И в самом деле, земля кружится. Синей птицей прилетела в Москву по творческим делам известная двадцатидевятилетняя французская актриса. Встречает Владимира. «Вот и сбывается всё, что пророчилось». Тут же всплывает в памяти отражение мужчины в воде лесной чащи. Засмеялась, и лицо сделалось таким обаятельно русским, застенчивым, детским.

Владимир сел напротив и уже больше не сводил с неё глаз. Столько было в обоих нежности, любви, великодушия, нутряной русской силы… И после долгого молчания: «Наконец-то я встретил вас». А запел под гитару – вырос в недюжинного, былинного героя. Владимир открыл Синей птице всё лучшее, что было в России. Он вмещал в себя всё, что она интуитивно любила в своей прародине: величие духа, искусство, поэзию, безмерность веры, надежды, любви.

Подставила Синяя птица своё крыло, и полетела красивая пара высоко над Землёй, любуясь отчими краями и чужими, за семью морями, странами.

Долго летали, сели на мачту корабля, обернулись влюблённой семейной парой. Если долго мечтается, всё сбывается – «Русалка моя, колдунья, красавица моя, моя жена!..».

На сей раз Марина воплотилась в Русалку с бездонными сине-зелёными глазами. И чуть корабль Владимира сядет на мель или, того и гляди, затянет его в пучину – Русалка подплывёт и спасёт, вынесет на сушу, на земную твердь.

Так и плыл корабль «Высоцкий», сверяясь только со своим курсом на правду, любовь, внутреннюю чистоту. Прорывался сквозь штиль, встречал бурю, и каждое его переживание выплёскивалось в песни, стихи, целое море песен и стихов.

Но вот однажды Русалка, как на грех, уплыла по житейским делам в свои дальние воды, за тридевять земель, в тридесятое царство. А вольный корабль невесть с какого борта вдруг получил предательскую пробоину. Дал течь и пошёл ко дну глубочайшей океанической впадины.

Едва сигнал «SOS» достиг слуха Русалки, та, выбиваясь из последних сил, бросилась к тонущему кораблю любви. Но в этот раз было слишком поздно…

С тех пор Колдунья-Синяя птица-Русалка вновь превратилась как бы просто в актрису Марину Влади. Но скажите, у кого ещё на руке сияет невидимое другими такое драгоценное кольцо странствий по планете земной любви?

Таиса Мефодиевна Летова

БРОДЯЧИЙ МУЗЫКАНТ

Сказки о любви в жизни замечательных людей

Корректор *Красикова Н.Н.*
Компьютерная верстка и оформление *Бутузова Е.А.*

Подписано в печать 12.12.2022
Формат 60x84/16. Гарнитура «PT Serif».
Бумага офсетная. Заказ № 152.
Объем 5,81 усл. п.л. Тираж 100 экз.

Отпечатано в АО «Издательство ИКАР».
119421, г. Москва, ул. Обручева, д. 16, корп. 2, кв. 33.
Тел.: +7(495) 978-35-99, +7(495) 777-30-39
www.ikar-publisher.ru